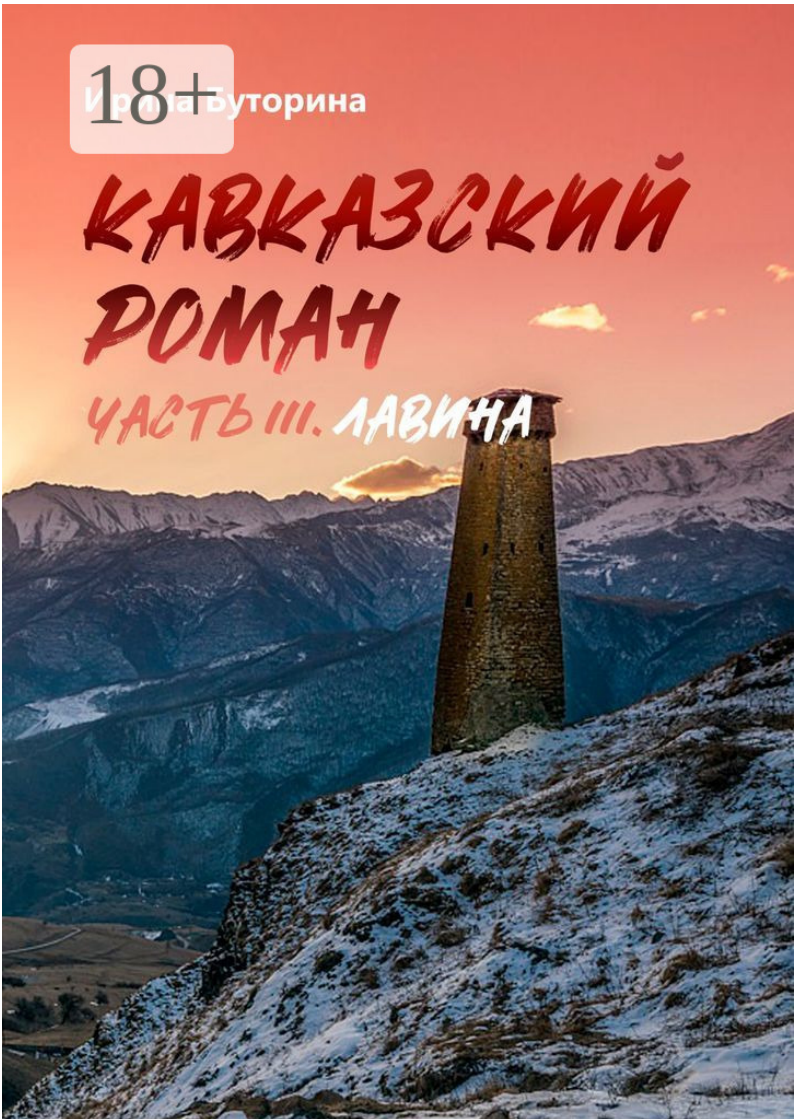
18+

Ирина Буторина

КАВКАЗСКИЙ РОМАН

ЧАСТЬ III. ЛАВИНА



Ирина Викторовна Буторина

Кавказский роман. Часть III. Лавина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51326862
ISBN 9785449823281

Аннотация

Героиней третьей части романа «Лавина» становится дочь Гейдара – волевая чеченская женщина с русским именем Марина. Жизнь не балует ее. Однако, вопреки горским обычаям, она сама творит свою судьбу. Светлые страницы, наполненные любовью и счастьем, которые все же выпадают на долю Марины, перемежаются в романе со страшными страницами войны, накрывшей чеченский народ в девяностые годы двадцатого столетия. Снесет ли героиню военная лавина, хватит ли ей сил устоять под ее натиском?

Содержание

Глава 1. Вопреки обычаям 5
Глава 2. Новое время 79
Конец ознакомительного фрагмента. 104

Кавказский роман
Часть III. Лавина
Ирина Викторовна Буторина

© Ирина Викторовна Буторина, 2020
ISBN 978-5-4498-2328-1 (т. 3)
ISBN 978-5-4498-2323-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вопреки обычаям

В детстве Марина считала, что красивее и сильнее её отца никого на свете нет. Те редкие часы, когда он был дома, казались ей большим праздником, несмотря на то, что он детей вниманием не баловал. Наоборот, отстранённость отца от их воспитания создавала в глазах детей ореол его непререкаемой власти и значительности. Это мнение всячески поддерживала и мать. Марина помнила, как подобострастно смотрела на отца её мать, как непрерывно одёргивала их, расшалившихся:

– Тихо, не мешайте папе!

– Папа зарабатывает деньги, поэтому редко бывает дома, – оправдывала отца мать, отвечая на их расспросы: «Где отец?»

Когда Марине надо было что-то попросить, она обращалась к матери, а та, чтобы не уронить авторитет отца, говорила ей: «Надо с отцом посоветоваться. Как отец скажет, так и будет». Просила ли она этого совета или нет, было неизвестно. Быстрее всего, она по мелочам к мужу не приставала, но в глазах детей отец был кем-то вроде бога, которого никто не видит и не слышит, но все его боятся и слушаются. Отец был богом ещё и потому, что только он всё мог, только он привозил в дом подарки и все удивительные вещи: от кастрюли до телевизора. Красивое розовое платье с перламут-

ровыми пуговками, которое купил ей отец, она считала лучшим в мире. Ещё Марина очень гордилась тем, что все окружающие всегда подчёркивали её сходство с отцом.

– Наша кровь, – приговаривала бабушка Лейла, поглаживая её по головке, – такая же красивая, как папа и дедушка.

– И как бабушка, – вставляла Марина свою любимицу в список красавцев в их роду.

Она была на седьмом небе, когда в её первый, десятилетний юбилей отец, протягивая ей в подарок большую куклу, смешно хлопающую глазами, сказал:

– Возьми, это тебе, красавица моя.

Когда на свадьбах у родственников отец танцевал лезгинку, дочь не отрываясь смотрела на него, и ей хотелось во всё горло кричать: «Посмотрите, какой у меня папа!»

Маму она любила, но как-то по-другому. Если отцом она восхищалась, то мать жалела. Та много работала по дому, ничего не прося взамен, но, главное, Марина своим детским сердцем понимала, что мать любит отца, а он её нет. Ей всегда хотелось принарядить мать, сделать ей причёску, накрасить ей губы, чтобы отец, увидев такую красавицу, влюбился и всегда был рядом. Однако, когда мать сама предпринимала неловкие попытки как-то себя приукрасить, дочке становилось ее ещё жальче, так нелепы и безвкусны были её наряды. Даже платья и костюмы, которые одно время отец регулярно покупал жене, сидели на матери как-то коробком, не украшая, а, наоборот, подчёркивая все недостатки её ко-

ренастой фигуры. Жалея мать, дочка прощала ей то, что брата та любила больше. Эту однобокую материнскую любовь Марина ощущала постоянно. Мать всегда отдавала ему лучший кусок (он же младший), она никогда не заставляла его делать грязную работу (он же мужчина), ей первой доставалось за все его шалости (ты старшая, куда смотрела). С появлением брата она вообще, как бы и ребёнком быть перестала. Ребёнком был он, а она его нянькой. Марина воспринимала всё это как должное. Она действительно чувствовала себя старшей и почти второй мамой. Как тут обижаться? Доля у женщин такая. Про женскую долю она постоянно слыхала от матери. Когда Марина была поменьше, она спрашивала у мамы, что такое «доля» и почему всё в этой жизни мужчинам, а женщинам только эта самая «доля» досталась.

– Вырастешь – поймёшь, – отвечала мать, – что сейчас об этом говорить? Ты должна навсегда запомнить, что мужчина – это господин, а мы, женщины, – его рабыни и всё надо делать так, как он пожелает.

– А если я не захочу так, как он, тогда что?

– Тогда тебя никто замуж не возьмёт, а если возьмёт, то через некоторое время назад родителям вернёт, а это большой стыд для всей родни, не только для тебя.

– А можно вообще в этот самый замуж не ходить? Нам на истории говорили, что рабов уже на свете нет и рабовладельческий строй отменён давным-давно.

– Отменили, доченька, но только для мужчин, а женщина

как была рабыней, так и осталась. А не пойдёшь замуж – будешь не только несчастной и одинокой, но и люди уважать тебя не будут.

– Странно, – не унималась Марина, – а вот Спартак воевал с рабовладельцами, а его все уважали.

– Глупая ты ещё, что ты себя с мужчиной сравниваешь? Аллах сотворил мужчину, а потом сделал ему из ребра женщину. Вот и получается, что женщина – собственность мужа, раз из его ребра сделана. Так и по нашим горским законам получается, что женщина – собственность мужа.

– Почему же тогда во всех фильмах мужчины с ног сбиваются, чтобы понравиться женщинам, если она их собственность? – упрямилась Марина. – Подарки всякие дарят, цветы, говорят им всякие красивые слова…

– Эти все фильмы про других женщин. Ты про кавказских женщин видела хоть один фильм?

– Видела, – обрадовалась Марина, – «Кавказскую пленницу». Мы с бабушкой ходили и весь фильм смеялись. Там девушка – комсомолка, спортсменка и просто красавица – так этими мужчинами крутила, только держись! Я тоже так хочу.

– Что с тобой говорить? Я тебе одно, а ты другое. Поумнеешь – поймёшь сама.

Единственным человеком, который понимал Марину, была бабушка. Слушая увещевания невестки, она помалкивала, а потом наедине говорила Марине:

– Если будешь вести себя как рабыня, то и быть тебе в раб-

стве всю жизнь с мужем. Он тебя не любить, не уважать не станет, а сумеешь себя поставить – всё будет нормально.

– А ты, бабушка, умела себя с дедушкой поставить?

– Мне не приходилось этого делать. Мы с дедом любили друг друга, а когда любят, то всё как-то само собой получается.

– И что, ты им могла командовать?

– Нет, не могла, да и не надо было это мне. Он умный был, всё и правильно делал, всегда чувствовал, если мне что-то не нравится.

– Бабушка, а он что, святой был? Мы тут недавно про святых тему проходили. Одна девочка, русская, встала и спросила учительницу: «Святые ходят в туалет?» Так её чуть из класса не выгнали.

– Ну тебя, Маринка, с твоими глупостями, – смеялась бабушка. – Дедушка был нормальный, только очень хороший, вот и всё.

– И красивее нашего папы?

– Ну уж куда красивее! – улыбалась польщённая Лейла. – Но тоже очень симпатичный, только инвалид.

Про Руслана она могла говорить часами, и с её слов получалось, что лучше его на свете никого не было и не может быть. Поэтому, когда Марина узнала, что Руслан не её родной дедушка, она была просто в полной растерянности.

– А как же дедушка Руслан, он-то где в это время был?

– Он уж потом появился, уже после, когда моего Магомета

не стало и когда Степан Иванович умер.

– А это кто ещё такой? – ещё больше удивилась внучка.

– Мой второй муж. На самом деле он и не муж был вовсе, вроде как отец, старенький, он меня спас.

Это потом уже, будучи взрослой, Марина от отца узнала трагическую судьбу своих родственников, а тогда из разговоров с бабушкой она поняла, что муж должен быть красивым, но строгим, зарабатывать деньги и кормить семью и может уйти из семьи только на небеса. Но на небеса ушла бабушка, а вслед за ней из семьи ушёл и её красивый, совершенно здоровый папа. Смерть бабушки была шоком, хотя к ней уже все были готовы. Уход отца потряс семью. Ещё при жизни бабушки он стал всё реже бывать дома, а мать стала всё чаще и чаще плакать. Однако тот день, когда он заявил, что уходит из семьи, Марина запомнила навсегда. Когда отец, выскочив из дома и не прощаясь, быстро уехал, Марина подумала, что произошла очередная размолвка из-за редких визитов отца домой, но, когда на крыльцо дома вслед за отцом выскочила мать и побежала за машиной, крича: «Нет, нет!», стало ясно, что случилось что-то страшное. Вернувшись домой, мать молча прошла в свою комнату и легла на постель, устремив взгляд в потолок.

– Мама, что случилось? – вбежали в комнату дети.

– Отец ушёл от нас, – сказала она и замолкла, по-прежнему глядя в потолок. Ни слёз, ни рыданий, ни ругани и причитаний, только этот отрешённый взгляд, устремлённый вверх.

Ни перепуганные дети, ни блеяние голодных овец, ни пришедшие по просьбе Марины бабушка и дедушка не могли заставить Асет взять себя в руки. Она лежала и смотрела в потолок.

– Может быть, врача вызовем? – робко предложила бабушка – тихая, полностью подчинённая мужу женщина.

– Какой врач? – грозно рыкнул дед. – Зачем он нужен? Чтобы сплетни по селу разносить, что у меня такая плохая дочь, что от неё муж ушёл? Пусть не дурит, а приходит в себя и занимается детьми. Если старый не вернётся, я ей нового мужа найду.

Марина с детства знала, что брошенная мужем чеченка – большой стыд для её родни. Мужчина всегда прав, и если бросил, значит – жена виновата.

Оставив пожилую одинокую тётку в доме Асет, дед ушёл, на прощание сказав Марине:

– Вот, смотри, к чему дурацкая любовь приводит. Послушалась бы меня – сейчас была бы у неё надёжная семья и муж. Не отступай от наших законов. Жди, когда тебя родственники мужа выберут.

От деда пахло овчиной его огромной папахи, невысохшим гуталином высоких сапог и чем-то ещё, затхлым и непонятным, поэтому, когда он ушёл, стало легче. Марина с братом и тёткой три дня, пока мать лежала без движения, изредка только слезая с кровати по нужде, возились со скотом и поддерживали нехитрый порядок в доме. Время от времени доч-

ка с надеждой заглядывала в комнату: «Как там мать?» Та же допускала к себе только сына, но и с ним не разговаривала, а медленно гладила по голове, думая о чём-то своём. Этот молчаливый протест матери был хуже, чем бурное проявление горя. Он давил и не давал покоя. Когда через три дня мать встала, Марина с удивлением увидела на её подушке пряди её чёрных волос.

– Дай гребень, – попросила мать, распуская косу.

Когда на гребне повисли длинные волосы, а голова матери на глазах лысела и седела, испугались все.

– Это от горя, – шепнула тётка Марине. – Надо было её врачу показать, может быть, таблетку какую-то выпишет. Видишь, волосы выпали.

– Это всё дед. Бабушка говорила, что нужен врач, – сердито ответила Марина, не любившая деда.

– Никто не нужен, отрастёт, да и так хорошо, – сказала Асет и, завязав платком вмиг оплешивевшую голову, ушла во двор чистить овчарню.

Беда, пришедшая в дом с уходом отца, вышла, как её ни скрывали, за ворота дома, и пошла молва гулять по селу.

– Мариночка, а что, вас отец бросил? – останавливали её на улице соседки-казачки. – Вот подлец, все они сволочи, – говорили они вслед удаляющейся девочке.

Чеченки молчали, но Марина часто ловила на себе их неодобрительные взгляды. В школе – отличница и активистка – Марина была бессменной старостой класса, верной по-

мощницей классной руководительницы и грозой лентяев. Теперь стоило ей что-то сказать, ей кричали в лицо:

– Нашлась начальница, иди лучше папашу своего поищи!

Всё это длилось до тех пор, пока Марина, озверев от горя и обид, не набросилась на одного из насмешников. Она была самой высокой и крепкой в классе. Злоба и обида удесятерили её силы, и, свалив обидчика на пол, Марина била его ожесточённо и безжалостно. Остальной 5 «Б» замер в оцепенении, глядя на эту драку. Их разняла учительница русского языка – их классная руководительница, прибежавшая в класс на шум. Раиса Алексеевна была ещё классной руководительницей у Марининого отца и относилась к нему с большой симпатией.

– Марина, я не спрашиваю, за что ты подралась с мальчиком, но меня удивляет, почему ты, такая разумная девочка, решаешь свои проблемы кулаками? Твой отец никогда себе такого не позволял, – выговаривала учительница, отведя Марину в кабинет русского языка.

Она часто вспоминала Гейдара, и если раньше Марине это очень нравилось, то теперь она буквально взорвалась.

– Он и тогда предателем был?! – закричала девочка, и её огромные глаза от злости стали чёрными.

– Ну что ты, девочка, каким предателем, он был хорошим товарищем, честным и порядочным.

После этих слов Марина поняла, что до учительницы ещё не дошли слухи о проблемах в их семье.

– Зато теперь он непорядочный: он бросил нас, – с вызовом сказала Марина.

Ей мстительно хотелось, чтобы человек, который так уважал отца, осудил его. Её душа не принимала такой несправедливости. Почему мать, а не отца винят в том, что произошло? Ведь это он нашёл в Грозном нехорошую русскую. О том, что отец бросил их из-за какой-то русской, Марина узнала от матери, которая ещё до развода пыталась узнать, к кому ушёл отец, и поехала в город. Словоохотливая вахтёрша общежития, где жили Гейдар и Лариса, выложила Асет свои соображения:

– Да уж, нашёл он себе лярву, проб ставить негде. Конечно, шикарная, но ведь весь город через себя пропустила, я-то уж знаю. Я тебе так, подруга, скажу: ты их сейчас не трогай. У них сейчас самое это самое, а вот пройдёт немного времени – он сам разглядит, да и бросит её. Я тебе точно говорю.

Асет не послушала её и до самого вечера ждала мужа во дворе общежития. Они приехали, когда уже смеркалось, и прошли мимо её лавки, погружённые в своё счастье, источавшее какой-то неведомый ей аромат. При виде этой парочки Асет, с завязанной косынкой лысой головой, в стоптанных запылённых туфлях, в широкой растянутой кофте, почувствовала себя лишней и никому не нужной нищенкой. Проводив взглядом удаляющуюся пару, она, раздавленная и отрешённая, побрела домой. Автобусы в Боевое уже не ходили, и ей пришлось идти домой всю ночь. Против развода,

быстро организованного Гейдаром, она возражать не стала, но проклятия в адрес коварной разлучницы русской она повторяла как заклинание, не стесняясь ни детей, ни родителей.

– Марина, извини, я ничего не знала, – извинялась ошарашенная новостью классная – книжная дама, как большинство преподавательниц русского языка. – И всё же ты не должна строго судить отца. Возможно, он полюбил, и это любовь его заставила так поступить.

– Что это за любовь такая, которая заставляет детей бросать? – не унималась Марина.

Учительница хотела было рассказать девочке про Анну Каренину, яркой любви которой она втайне завидовала, но вспомнила, что этот роман не входит в программу пятого класса.

– Да, это такое чувство, ради которого на многое можно пойти, – сказала она, вздохнув.

Сама же она в своё время ради любви не смогла даже переступить через условности и выйти замуж за бывшего одноклассника, который, как внушила ей мама, был ей не пара, так как не имел высшего образования. Больше руку и сердце никто не предлагал.

После той памятной драки Марину в классе больше никто не дразнил, но с той поры в её детском сердце поселилась обида на русских женщин и глубокое убеждение, что очень стыдно быть брошенной женой. Потом потянулись тя-

гостные дни в доме, который покинуло счастье. Дом без бабушки и отца стал безрадостен и угрюм. Асет практически забросила домашнее хозяйство и замкнулась в себе. Марина с поселившейся у них тёткой с трудом справлялись с навалившимся домашним хозяйством. Руслан старался большую часть времени проводить у родителей Асет на другом конце села.

– Что значит мужчина, не хочет в горе жить, – прокомментировала этот факт тётка.

По законам Кавказа женщина не должна жить одна, и родственники стали искать Асет пару. Все потенциальные женихи были или стары, или обременённые большим количеством детей. Асет, выслушав очередное предложение, отвечала:

– Не надо, я сама найду себе мужа.

– Ты одного уже себе нашла, – ворчал отец, – где он?

Соседка, казачка Алефтина, посоветовала ей пойти работать на новую стройку. В селе начали строить птицефабрику, крупнейшую в республике, а людей для этой стройки в небольшом селе не хватало.

– Иди, Ася, иди, там сейчас маляры нужны, – уговаривала Алефтина соседку. – Ты женщина умелая, работящая, справишься. Как без работы? Муж пока платить не отказывается, а потом ищи-свищи ветра в поле, а у тебя кусок хлеба свой будет.

Родственники подозрительно относились к идее рабо-

ты Асет. Мало того, что по чеченским обычаям женщина не должна находиться среди чужих мужчин, которых на стройке было большинство, но и работа маляром, согласно этим же законам, была для женщины постыдна. Женщина могла иметь только женскую профессию – воспитателя, учителя, медработника, все остальные виды работ были неприемлемы. Однако в селе такой работы не хватало даже для тех женщин, которые имели подходящее образование. Асет же так и осталась с аттестатом об окончании средней школы. И всё же она решилась и через пару месяцев, имея большой опыт домашнего строительства, хорошо освоила малярное мастерство, которое оплачивалось значительно выше, чем работа техничкой в школе, куда её звали. Ещё через пару месяцев Асет привела в дом дядю Толика.

Дядя Толик был балагур, весельчак и бесшабашный пьяница. Выпив, он усаживал Асет около себя и принимался рассказывать свои боевые походы, начиная их с одной и той же фразы:

– Да, Аська, жизнь меня трепала, трепала, да не дотрепала. Я потомственный кубанский казак, не вам, чуркам, чета. Прошёл Крым, Рим и медные трубы.

После этой фразы шли откровения про то, что ни одно из многочисленных мест, где побывал лихой казак Толик, не обходилось без его активного участия и его редкой смётки.

– Да, Аська, чуть чего – бегут прямо ко мне. Мол, Толян,

помоги. А я чего, конечно, помогал, как не помочь, если люди не справляются? Это я сейчас бетон мешаю, так это временно. Мне начальник уже говорил, мол, скоро выйдет тебе, товарищ Чебыкин, должность.

Асет, не привыкшая к вниманию мужа, слушала Толика, глядя на него во все глаза. Верила она ему или нет, или ждала того сладостного момента, когда он, дойдя до определённого градуса, привлекал её к себе и, не стесняясь детей, целовал в губы жадно и смачно. После этого он тащил её на руках на мужскую половину, откуда потом долго доносилось его сопение, скрип кровати и стоны матери.

Первый раз, когда Марина услыхала эти стоны, хотела кинуться в комнату спасать мать от садиста Толика, но случившаяся тут тётка остановила её:

– Не мешай, это она не стонет, а смеётся.

Действительно, после очередных стонов Асет ходила как именинница, раскрасневшаяся и помолодевшая, а Толик добавлял ей веселья, похлопывая по её широким, низко посаженным ягодицам. В первое время Асет одёргивала его за такие ласки, а потом привыкла и даже радовалась им.

– А что такого? – отбивалась она от выговоров тётки. – Меня Гейдар за всю жизнь даже за руку не потрогал, а этот всю зацеловал.

Работа на стройке и простые женские радости меняли Асет на глазах. Она стала намного бойчей, веселей и разговорчивее. Если в былые времена она боялась слово сказать

про своего мужа, отделываясь от любопытных русских соседок фразами: «Да, всё хорошо, только работает много», то о Толике она говорила восторженно и с большим удовольствием, передавая соседкам небылицы, которые он ей про себя рассказывал. Те делали вид, что верят, а про себя болтали, мол, силён Толик по этой части, раз так эту тихоню раззадорил. Правда были и те, которые поговаривали, что не только женское счастье принёс Толик в дом, но и беду, которая уже вызревала за вечерними посиделками за семейным столом. Привыкшая во всём угождать мужу, Асет не могла отказать и Толику в его непрерывных просьбах – выпить вместе с ним. Вначале она делала вид, что пьёт налитое ей вино, ну а потом привыкла и полюбила горьковатый привкус белого крепкого, которое в основном употреблял сожитель. Нравилось ей ощущение тепла и расслабления, разливающегося по всему телу после первого же глотка вина. В такие минуты боль от потери любимого, которую она тщательно прятала от всех, отступала, и ей начинало казаться, что она действительно счастлива рядом с этим пропахшим табаком и водкой разухабистым Толиком.

Не только вечно ворчавшая на племянницу тётка, но и Марина стала замечать, что мать как-то странно ведёт себя после ужинов с «этим дядькой» (по-другому дети его не называли). Всё стало понятно, когда после обильного застолья Асет упала вместе с тащившим её в спальню Толиком. Марина долго пыталась её поставить на ноги, но та, тяжело

хрипя, никак не могла подняться. Тётки в этот вечер не было, брат был на соревнованиях, и перепуганная Марина побежала к соседке.

– Мама умирает! – закричала она, влетев в дом Алефтины.

– Как же, умирает, – поставила диагноз Алефтина, едва взглянув на валяющегося на полу Толика и лежащую рядом Асет. – Если бы в России все от этого умирали, то уж и народу к этому времени совсем бы не осталось. Пьяная она в зюзю. Давай помогу на кровать затащить.

Наутро, когда с головой, раскалывающейся от похмелья, Асет открыла глаза, первое, что она увидела, были перепуганные глаза дочери.

– Не сердись, Марина, это вино было плохое, вот я и отравилась, – сказала Асет. А потом, подумав, решительно добавила: – А Толика выгоню, обещаю.

– Обязательно, обязательно, – заторопилась обрадованная дочь, – это он во всём виноват.

Однако шли дни, а Толик жил и жил в доме, всё сильнее привязывая мать к себе и бутылке. Выгнать постояльца просил и отец Асет – старый Аслан.

– Одно горе нам от этих русских, – внушал он дочери. – Землю нашу захватили, народ наш с нажитых мест согнали, дома лишили, твоего мужа из дому русская увела, детей учат не уважать наши законы, а эта пьяная свинья тебя за собой в болото тянет. Зачем он тебе? Гони ты его. Я бы сам выгнал, да силы не те, а братья твои тоже не защитники. Один на-

зад в Казахстан уехал (что забыл он в этих песках?), второй за свой партбилет (будь проклят тот день, когда он его получил) боится.

Асет молчала, довольная тем, что отец боится Толика. Иначе быть скандалу, а может, и драке. Толик любил похвастать, как он «сопатки чуркам чистит».

– У нас говорят, – продолжал монотонно отец, – мужчина свернёт с пути – погибнет семья, женщина оступится – погибнет весь род. Твой Гейдар уже семью погубил, теперь твоя очередь всю родню, включая детей, осрамить и погубить.

Марина, прислушиваясь к разговору, полностью была на стороне деда в том, что необходимо выгнать материного дружка. Несколько смущали разговоры про русских. В школе учителя все уши прожужжали идеями интернационализма. С их слов получалось, что все пролетарии, то есть люди бедные, – братья, а врагами являются только буржуи и кулаки независимо от того, кто они по национальности. Русских в школе было много, и ничего плохого они ей не делали, если не считать Вовку Зимина, который постоянно задирал её: то портфель спрячет, то в тетради рожицу нарисует, то за косу дёрнет. Правда, её подружка, осетинка Карина, шептала ей, что этот самый Вовка влюблён в неё, вот и задирается.

– Вот ещё – влюблён! – сердилась Марина. – Лучше бы двойки исправил.

Однако настоящей злости на двоечника Вовку у неё не было. Наоборот, с ним было значительно проще, чем с отлични-

ком чеченцем Сулейменом, который девчонок совсем не замечал, а на её требования помочь девчонкам парты перевернуть, чтобы удобнее класс было убрать, высокомерно говорил:

– Не мужское это дело – уборка.

Вовка переворачивал парты по первому требованию, приговаривая:

– Командуешь тут, командуешь, а парту перевернуть не можешь. Понятно, девчонка, слабачка. Что с тебя взять?

Судя по Вовке и Толику, русские были людьми странными и не подчинялись никаким законам. Она же с детства только и слыхала: девушка не должна того, женщина не может этого, мужчина должен быть таким, а не другим. Особенно её раздражала необходимость носить на голове этот вечный платок и невозможность надеть брюки.

– Мама, ну почему нельзя брюки? В них так удобно, – спрашивала она мать.

– Потому что чеченка не может позволить себе такой вульгарный наряд, – спокойно отвечала та.

– Почему? – удивлялась Марина. – В адате такое сказано?

– Люди так говорят. Нельзя женщине выглядеть как мужчина.

– Ну а вот платок постоянно на голове зачем?

– Нам так положено. Мы же мусульмане, паранджи не носим, а вот платок нужен. Уважаемая женщина без платка быть не должна.

Однажды Марина поинтересовалась у Толика:

– Вот у кавказцев есть законы гор, а у русских есть такой закон, где бы говорилось, как надо жить?

– Есть у нас, доченька, закон. А как же? Моральный кодекс строителей коммунизма называется. Только хрен мы ложили на этот кодекс, особенно когда выпимши. Поняла?

Марина скоро это поняла. Толик трезвым любил поразглагольствовать о том, как они с Асет поставят детей на ноги, дадут им образование и станет у них Марина врачом, а Руслан тренером союзного значения. Захмелев же, он орал, что эти короеды объели его, Толика, до самого ствола и он не может себе позволить выпить самой лучшей «Столичной» водки, а травится этим проклятым вином. Но эта пьяная болтовня была пустяком на фоне того, что он позволял себе, стоило только Асет отвернуться. То ущипнёт Марину за начавшие наливаться ягодицы, то начнёт усаживать к себе на руки, а однажды, застав её в хлеву, он обхватил её сзади, больно сдавив начавшие наливаться груди.

– Ягодка моя, – шептал он, дыша ей в шею тяжёлым винно-водочным перегаром.

Перепуганная Марина сумела всё-таки вывернуться из липких объятий дядьки и, схватив стоявшие рядом вилы, совсем не по-детски закричала:

– Только тронь, я матери жаловаться не стану, заколю – и всё тут.

– С тебя, дуры, станется, – выдавил из себя не на шутку

перепуганный Толик. – Я просто, как ребёнка, приласкать хотел.

– Ещё раз приласкаешь – заколю, – твердила Марина, и её синие глаза, как всегда в минуты волнения, стали совершенно чёрными.

– Тьфу на тебя, ведьма малая. И вправду Толяна заколешь, – плюнул он под ноги и больше приставать не стал.

Марина жаловаться тоже не стала, но весь этот вечер и всю ночь её трясло от гадливости и полного осознания того, что она легко могла заколоть этого негодяя. «Заколю, если тронет, и будь что будет», – решила она для себя, но с тех пор избегала оставаться с отчимом один на один.

Острое чувство стыда за мать испытала Марина, когда отец увидел её пьяненькую и этого ненавистного Толика. Ещё страшней была та минута, когда через два года в широко распахнутые ворота внесли мать, искалеченную и бездыханную.

– Ваша? – спросил у выбежавшей во двор Марины шедший за носилками милиционер.

– Наша, – как эхо отозвалась Марина, отталкивая от носилок брата, чтобы он не видел страшного, разбитого лица матери.

– Забирайте, в морг не повезём. Далеко. Факт смерти установлен.

Гаишник, рыжий и веснушчатый, говорил бесстрастным тоном человека, привыкшего к человеческому горю, для ко-

торого важен не сам факт смерти, а факт дорожно-транспортного происшествия.

– Мать? – спросил он у застывшей у носилок девочки. И в ответ на кивок головы сказал: – Отец жив, его отправили в больницу.

«Какой отец? Как, и отец разбился? Как мама к нему попала в машину?» – застучали в голове мысли, но сквозь них пробился настойчивый голос милиционера:

– Анатолий Чебыкин ваш отец?

– Нет, нет! – закричала девочка, и в этот момент пришло понимание того, что произошло.

Это он – этот ненавистный Толик – убил её маму, а сам остался жив и лежит где-то на чистой постели под присмотром врачей, а их мама здесь, окровавленная и с гримасой ужаса, застывшей на её лице. Её уже нет и больше никогда не будет. Носилки, двор и сам милиционер поплыли перед глазами, и земля, с начавшей желтеть осенней травой, уплыла из-под ног. Очнулась Марина от голоса соседки Алефтины:

– Чурбан ты, мент, бездушный! Ты зачем на девчонку всё это свалил? Не мог как-то поделикатней? – выговаривала она милиционеру, протирая Марине лицо мокрым полотенцем.

– Некогда мне тут деликатничать, – настаивал милиционер. – Они нарушают, а мы деликатничай, – ворчал он, уходя со двора.

«Мамы нет, – стучала в Марининой голове мысль. – Надо

сообщить отцу, надо организовывать похороны».

– Сделаем всё, не волнуйся, деточка, – уговаривала соседка. – Ты лучше поплачь, легче будет. А то вся сжалась, как бы чего с тобой не случилось.

Но Марина не плакала. Только на её чистом лбу залегла взрослая складка, которая с тех давних пор всегда появлялась на её лице в тяжёлые минуты. Надо было всё сделать: вымыть маму, одеть, всё приготовить к похоронам, сообщить отцу, родственникам о случившемся горе, накормить скот, а главное – успокоить брата. Он младше, ему сложнее. Слёзы полились рекой только тогда, когда всё было позади, когда за машиной отца, которого она ждала три дня, закружилась осенняя пыль. Пока она его ждала, в душе ещё жила надежда, что он сразу заберёт их с братом к себе, что они не останутся наедине со своим горем. Он действительно хотел их забрать, но своим уже вполне женским чутьём Марина поняла, что сделать ему это сложно, и её решительный отказ ехать в Грозный его обрадовал. Причину смущения отца она поняла, когда побывала вместе с братом в его новой семье. С первого шага в квартире, благоухающей сильнее, чем все надушенные учительницы школы в день Восьмого марта, заставленной сказочной мебелью и завешенной коврами, из-под которых островками сияли золочёные обои, Марина поняла, что среди этого великолепия им с братом места нет. Мачеха вообще показалась пришельцем из другого мира. В тонком атласном халате, едва доходящем до сере-

дины бедра, в расшитых бисером домашних тапках, с накрашенными дугой бровями и ярким, алым ртом, она походила на барынек из советских фильмов. В этих фильмах такие героини осуждались за то, что они не соответствуют образу советской женщины-труженицы. Несмотря на антисоветский вид, мачеха чувствовала себя вполне уверенно и, старалась продемонстрировать радушие и участие в жизни детей мужа.

Марина, с трудом вытерпев визит к отцу, возвратилась домой с одной мыслью, что больше ноги её в этом доме не будет, а вот квартира у неё будет ничуть не хуже, чем у её отца. Всё будет в этой квартире: и мебель, и ковры, только такой неприличный халат, как у этой противной мачехи, она никогда не наденет. Какое-то время они с братом пожили у родителей матери на краю села, но потом вместе с тёткой, которая им приходилась двоюродной бабушкой, вернулись в свой дом – присматривать за хозяйством. Несколько раз приезжал из города брат матери и предлагал забрать их в город в семью, но тут даже дед Аслан сказал, что нечего детей срывать с родного места и, пока он жив, дети никуда не поедут. Денег, которые присылал им отец, на жизнь хватало. Через год после смерти матери Марина, окончив восьмой класс, заявила, что пойдёт учиться в техникум и в школу не вернётся.

– Какой техникум? Ближайший техникум в районе, да и тот не женский – строительный, – удивился приехавший на выпускной вечер дочери отец.

– Вот туда и пойду. В район автобусы часто ходят. То, что

строительный, так это даже хорошо, буду как мама, только не маляром, а мастером, – сверкнула она глазами в сторону отца.

– Марина, я уважаю твой выбор, но что люди скажут, если моя дочь пойдёт в техникум получать мужскую профессию? – выдвинул последний аргумент отец.

– Можно подумать, что тебя это очень интересует, – отбрила его Марина и всё же настояла на своём, проигнорировав и мнение протестующего против такого образования деда.

– Зря ты, дедушка Аслан, меня отговариваешь, вот выучусь – и свой дом поправлю, и твой отремонтирую.

– Не женское это дело, – упорствовал дед. – Пусть будущий муж дома ремонтирует.

– Муж, когда ещё будет, а дом сейчас ремонтировать надо, – засмеялась внучка.

– В кого ты так не по-женски упряма? – удивлялся отец. – Мать была покладистая, бабушка вообще ангел.

– Бабушка говорила, что в её отца. Он был главой большого тейпа и людей вот где держал, – показала Марина свой сжатый кулачок.

Больше противиться выбору дочери отец не стал. В техникум она поступила легко. Сложно было только ездить на учёбу. Автобусы ходили редко и медленно, так как дорога была горная. Однако Марину это не смущало, и она умудрялась не только хорошо учиться, но и с домашним хозяй-

ством справляться. Времени не хватало только на развлечения. На курсе остряки прозвали её «освобождённой женщиной Кавказа». Так её однажды припечатал преподаватель истории, который был удивлён, что она чеченка, а учится на такой мужской специальности. На его вопрос: «Как это могло случиться?» – Марина с вызовом ответила:

– А что, разве Кавказ – это не Советский Союз, где все женщины имеют равные права с мужчинами?

– Всё понятно, то есть вы, Уламова, освобождённая женщина Кавказа. Похвально, похвально.

Свободная-то свободная, а вот все радости студенческой жизни проходили мимо неё. Ни в колхоз на сбор урожая, ни на техникумовские вечера она не попадала. От колхоза её освободила справка со стройки о том, что она необходимый работник. Марина действительно работала на стройке каждое лето. Вечера заканчивались поздно, когда автобусы уже не ходили. Одногруппницы предлагали ей остаться на вечер и переночевать в общежитии, но Марина отказывалась, ссылаясь на необходимость заниматься с братом. На самом деле ей совсем не хотелось, чтобы в Боевом начали болтать о том, что Уламова пошла учиться в мужской техникум для того, чтобы гулять. Мысль о том, что о ней могут плохо подумать, была невыносима.

Годы учёбы хоть и тяжелы были, но пролетели быстро, и уже к девятнадцати годам Марина получила диплом о том, что она является техником по гражданскому строительству.

Всё лето и осень, вместо того чтобы отдохнуть после учёбы, Марина в поте лица трудилась на стройке птицефабрики, которую должны были сдать к очередным ноябрьским праздникам. Ей нравилась её работа. Её душа погружалась в состояние восторга, когда от каждого мазка её кисти серые унылые стены становились белыми, двери – жёлтыми, а заборы – зелёными. Ей на удивление нравился запах красок. Наконец, ей очень нравилось, что народ на стройке, по преимуществу некавказский, относился к ней как к обычному человеку, не заставляя жить по раз и навсегда установленным горским законам. На торжественном собрании в честь сдачи птицефабрики Марину отметили как одного из лучших работников и даже как «комсомолке, передовичке и просто красавице» предоставили право перерезать красную ленточку на входе в новый птицеводческий комплекс.

На следующий день её вызвали к начальнику строительства.

– Ну что, Уламова, поедешь с нами в другой район на новое строительство? Я, как и обещал, тебя мастером беру.

– Далеко от Боевого?

– Не очень, не больше сотни вёрст.

– Спасибо, конечно, но я не поеду, – ответила Марина. – За эти четыре года, что в районе училась, намучилась с поездками, да и дом бросить не могу.

– Жаль, конечно, но без благодарности за хорошую работу я тебя не оставлю. Одним словом, мы с нашим профсою-

зом решили наградить тебя путёвкой в санаторий. Была ты когда-нибудь в санатории?

– Это где больных лечат? – удивилась Марина. – Я же здоровая.

– Да больных там кот наплакал, все здоровые отдыхать ездят, – заверил её начальник строительства, который сам санаториев не признавал. – Езжай, отдохни. Город Ессентуки, красота, бюветы, конфеты и прочие женские радости.

– Я не могу, товарищ Засухов. Чеченским девушкам нельзя одним, без сопровождения, в чужие места ездить.

– А как же ты в техникум ездила?

– В техникум – это по делу, на учёбу, а вот просто так нельзя.

– Да, проблема, – почесал затылок начальник, – хотя, впрочем, какая проблема? У нас из бухгалтерии одна женщина просится на курорт. У неё что-то с желудком. Вот она и присмотрит за тобой. Она наполовину чеченка. Знаешь Евхурову Тамару Рамзановну?

– Хорошо, я спрошу дома. Если отпустят, может, и поеду.

Стоило ли говорить, что с первой минуты, когда Засухов заговорил о курорте, сердце Марины от радости чуть не выскочило из груди. Она, кроме Грозного и районного городка, нигде больше не бывала. Часто, провожая глазами туристические автобусы, которые в выходные чередой шли по главной и единственной улице Боевого, Марина думала, что есть же на свете счастливые люди, которые ездят на этих

автобусах в какие-то неизвестные и счастливые края. То, что эти края были счастливыми, говорили их лица, радостные и возбуждённые. Раньше, ещё девчонкой, она старалась подгадать поход на базар к моменту, когда на базарной площади появлялись туристические автобусы, из которых высыпали весёлые и нарядные туристы. Автобусы из Минеральных Вод шли на экскурсию в Грозный, а из Грозного и Махачкалы – на курорты Минвод. Особенно запомнился случай, когда из автобуса вывалила на площадь толпа молодёжи. Они пели и танцевали под гитары, струны которых дёргали двое парней в одинаковых клетчатых рубашках, а толпа резвилась под эти звуки, не обращая никакого внимания на собравшихся на площади местных жителей. Туристки весело крутили задами, затянутыми в джинсы, а ребята хлопали в такт гитарным аккордам, отпуская шуточки в адрес танцевавших девчонок.

Марина стояла поодаль от этой толпы, не понимая, как к этому относиться. С одной стороны, было как-то необыкновенно весело смотреть на этих бесшабашных туристов, с другой – было как-то неловко, так как в селе поведение туристов считали неприличным и смотреть на них хорошим девушкам не рекомендовалось. Теперь ей самой предстояло узнать этот мир, где живут, не признавая кавказских законов, где все ведут себя, как вздумается.

Ессентуки, куда они приехали с бухгалтершей Тамарой Рамзановной, были на удивление тихим и спокойным город-

ком. В курортной зоне он оживал только три раза в день, когда отдыхающие шли пить воду. В эти часы улицы курорта наполнялись разноликой толпой, съехавшейся со всех уголков огромной страны. Особенно забавно было смотреть на узбеков и туркменов, которые приезжали на курорт в своих национальных одеждах с большой толпой детей и родственников. Когда они двигались гурьбой по широкой парковой аллее, было полное ощущение, что ты в Средней Азии. В другие часы улицы курорта были пусты и безлюдны. Удивляло и то, что того буйного веселья, которое туристы демонстрировали, выходя из автобусов в Боевом, здесь не было. И в то же время отдыхающие вели себя совсем не так, как у них в селе. Разве позволил бы кто-то из мужчин села заглядывать женщине в лицо, приставать к ней с разговорами? Здесь не только встречные мужчины в упор разглядывали женщин, но и попутчики, догоняя, старались заглянуть в лицо, как будто разыскивая знакомую. От этих взглядов Марина была готова провалиться сквозь землю и полностью закутаться в платок. Вслед она часто слыхала нахальное:

– Девушка, а девушка, сними платок, покажи личико.

– Что им надо? – спрашивала она у спутницы, которая неотлучно была с нею рядом.

– Русские мужчины развязны и плохо воспитаны, – отвечала бухгалтерша, – не обращай на них внимания, отстанут. Тут девушек не воруют, да и что их воровать, смотри, сами из платьев выпрыгивают, – презрительно кивнула она в сто-

рону весело смеявшихся молодых женщин.

Женщины-славянки здесь действительно были особенные. Они в упор никого не рассматривали, но старались привлечь к себе внимание нарядами, громким смехом и шуточками в адрес мужчин. Кавказских женщин было мало, они выделялись в толпе унылыми длинными юбками, толстыми длинными вязаными кофтами и непременными платками на голове.

Марина с бухгалтершей сидела за столом с двумя весёлыми русскими хохотушками, которые непрерывно смеялись, вспоминая прошедший вечер. Их комментарии по поводу сидящих за соседними столами отдыхающих ужасно смешили Марину. Ещё удивляло в соседках, что они странно оживали, стоило кому-то из мужчин пройти мимо их столика. В эти моменты их смех звучал особенно громко, а глаза горели особенно ярко.

– Совсем неприличные женщины, – ворчала Маринина спутница, – надо попросить посадить нас за другой столик.

Марине не хотелось уходить от весёлых соседок, хотя они удивили её уже в первый же день знакомства. На вопрос обходившей зал диетсестры о претензиях к работе столовой женщина, которая представилась Валентиной, заливаясь смехом, заявила:

– Что-то мужчин маловато, и нас в бабский коллектив посадили.

На что диет сестра с готовностью:

– Рассажу, девочки, рассажу, как только подыщу подходящую компанию. А вы, женщина, не против сесть с мужчинами? – обратилась она к Тамаре Рамзановне.

– Да вы что? – за неё ответила Валентина. – Им нельзя, мужья зарежут. Так, девчонки? – подняла она смеющиеся глаза на Марину.

– Никто у нас никого не режет, – строго сказала Марина, – нам и за этим столом хорошо.

– А нам что, плохо? – опять засмеялась Валентина. – Это мы так шуткуем.

После этой примирительной фразы они быстро подружились, и русские со всей своей бесцеремонностью стали расспрашивать, как живётся женщинам на Кавказе.

– Я слыхала, что у вас если жена изменит, то её могут камнями закидать, правда это?

– Это у всех мусульман так, – ответила Тамара Рамзановна, – и у нас раньше муж мог просто убить жену. Как, впрочем, и у вас в старые времена. Я читала, что неверных жён при Петре закапывали по шею в землю, и она так умирала.

– Ну, теперь не старые времена, пусть только попробуют, я сама любого зарою, – заверила Валентина.

– А вот ещё одна знакомая мне сказала, что на Кавказе муж вообще жену за человека не считает, а так, за мелкий рогатый скот.

– А у нас что, считает? – вступилась за чеченок вторая подружка. – Мила, разве это не у нас говорят: «Курица не пти-

ца, а баба не человек»?

– Да говорить-то они говорят, а на деле кто у нас в семье правит? Правильно – баба, у которой и дом, и кошелёк семьи в руках. А у вас кто деньгами распоряжается?

– Деньги в кавказской семье всегда у мужчины, – ответила бухгалтерша.

– Даже если он их не зарабатывает?

– По нашим законам муж должен кормить семью. Женщины редко работают. Все в основном по хозяйству и с детьми.

– Ну а если, например, женщина вяжет и продаёт вещи, она тоже деньги мужу отдаёт?

– Тоже, он же глава семьи и лучше знает, как ими распорядиться.

– Кошмар! – возмутилась Мила. – Нет, я своих кровных сроду бы мужику не отдала. Пропьёт ведь или игрушек накупит. Они как дети малые, только дай. Я одно время ходила за мужика даже зарплату забирать, чтобы хоть что-то оставалось, а то явится домой пьян, и нос в табаке, и в карманах пусто.

– Нет, наши не пьют, – гордо заявила бухгалтерша.

– И не гуляют?

– Может быть, и гуляют, но жёнам об этом знать не положено. У мужчин своя жизнь.

– Ну просто не мужики, а ангелы, – удивилась Валентина, – и кормят, и поят, и не пьют, и гуляют по-тихому, нам бы таких!

– Да, но только вы этого не выдержите. У наших женщин столько запретов, что с этим надо родиться, чтобы всё выполнять, – вдруг вставила слово Марина. – Того нельзя, этого нельзя. Вообще ничего нельзя, а они живут, как хотят.

Она говорила со злостью, но, увидав на себе осуждающий взгляд бухгалтерши, замолчала.

– Не слушайте её, она ещё молодая и многого не понимает, – закончила та разговор на примирительной ноте.

Дни потянулись за днями и были удивительно похожи друг на друга: утром быстро одеться и бежать по морозцу на водопой, потом на процедуры, которых Марине прописали множество, потом опять водопой и тихий час (она засыпала как убитая, набегавшись с утра), затем опять водопой и ужин, после которого бухгалтерша шла смотреть стоящий в холле телевизор, а у Марины было только два выбора: или сесть вместе нею к надоевшему ящику, или пойти в номер спать. Лёжа в комнате, она прислушивалась к отдалённым звукам музыки, которые начинались в восемь часов вечера. Музыка звучала глухо, и до неё доносились только ритмичные удары, но они казались такими заманчивыми, что хотелось наплевать на все запреты и бежать туда – на освещённую гирляндами танцевальную площадку.

– Я не хочу за тебя отвечать, вдруг кто-то к тебе пристанет? – сказала ей строго Тамара Рамзановна, стоило Марине только заикнуться о танцах.

Так что Марина даже посмотреть, что происходит там, где

гремит музыка, не имела права. Один раз, сославшись на то, что у неё болит живот и нужно взять таблетку у медсестры, Марина заглянула на танцы. Прижавшись в нише между двух колонн, она широко открытыми глазами смотрела, как скачут под музыку все без разбора – и старые и молодые. Ей тоже отчаянно хотелось попрыгать вместе с ними под эти весёлые звуки, однако стоило какому-то мужчине пригласить её на танец, как Марина перепугалась и убежала в номер.

– Ну как живот? – спросила участливо бухгалтерша.

– Долго медсестры не было, – сказала Марина в оправдание за долгое отсутствие, – таблетку съела, теперь вроде лучше.

Соседки по столу по-русски часто подтрунивали над ней:

– Ну что, жениха себе нашла?

– Нет, я и не искала.

– Так вот в девках и просидишь, если искать не будешь да в платок кутаться.

– У нас девушки одни не остаются. Родня всегда им жениха найдёт, тем более для нашей Марины. Она у нас самая красивая в селе, – ответила занозам бухгалтерша.

– А если жених ей не понравится?

– Другого найдут, или какой-нибудь джигит украдёт.

– Слушай, Маринка, пока тебя не спёрли какие-нибудь уроды, – загорелась Валентина, не обращая внимания на бухгалтершу, – ты сама хоть на белый свет посмотри, чтобы потом в горной сакле было чего вспомнить. Пойдём сегодня

с нами в военный санаторий на танцы? Там классно, не то что тут с нашими старпёрами. Я в первый день сюда пошла, так ко мне какой-то дед привязался, а у него уже мох из ушей торчит. Я ему: «Дедуля, я на песке танцевать не умею». Дед шамкает: «Какой песок, тут паркет». – «Да тот, дед, который из тебя сыплется!» Вмиг отвалил, – закончила она под общий хохот за столом.

Марина смеялась больше всех, так её звамучили приставания бодрых пенсионеров из отдыхающих. По кавказским законам старших надо уважать и ни в коем случае им не грубить. Но если старички-кавказцы тихо сидели на многочисленных санаторных диванах, изредка снимая папахи, чтобы протереть лысины, то их славянские ровесники, вспомнив молодость, вовсю ухаживали за молодыми женщинами и девушками. Марину вначале забавляли эти ухаживания, а потом при каждом приближавшемся престарелом ухажёре ей хотелось сказать что-то колкое, но кавказское воспитание не позволяло. Поэтому рассказы соседок по столу о том, как они отшивают дедов, она очень любила. Смеялась даже зануда бухгалтерша, утирая выступающие на глаза слёзы кончиком платка.

– Смешная ты, Валентина, – говорила она, отсмеявшись, – но девушку не смущай. Ей нельзя до замужества никуда ходить.

– А после замужества что, можно? – удивилась Валентина.

– Тогда тем более нельзя, – уже совсем строго сказала Та-

мара Рамзановна, всем своим видом показывая, что разговор на эту тему закончен.

Сама она воспитана в строгости. Её мать – русская, вышла замуж ещё девчонкой и полностью приняла горские законы. Рассказами о своей многочисленной родне Тамара Рамзановна занимала всё свободное от процедур и телевизора время. Не слушать эти россказни было нельзя потому, что навязанная Марине спутница страшно обижалась, когда Марина, задумавшись, что-то невпопад переспрашивала.

– Я тебе сколько раз рассказывала, что Ильяс – сын моего мужа, который родился в Казахстане, а теперь собирается сюда.

– А я думала, его Иса зовут, – примирительно отвечала Марина, мысли которой витали там, где гремела музыка.

Особенно часто царица Тамара (так окрестили её соседки по столу за гордую осанку и неприступный вид) рассказывала о двоюродном брате, который жил в Ставрополе и с которым она время от времени разговаривала по межгороду. Он был полковником в отставке и жил в большом частном доме на окраине города. Он очень звал сестру приехать к ним в гости на выходные, но бухгалтерша, верная порученному ей делу по присмотру за Мариной, отказывалась. Когда до отъезда оставалась одна неделя, царица Тамара в пятничный ужин вдруг заговорила:

– Меня зовёт к себе брат в гости.

– Ну и что, поезжайте, – ответила ей Валентина.

– Я бы поехала, но на мне ответственность за Марину, как я её брошу?

– Вот ещё, детка нашлась, да она сама скоро мамкой станет, – удивилась Валентина. – Что, день без вас не проживёт?

– Она проживёт, но что люди скажут?

– Тамара Рамзановна, езжайте. Я в номере всё время сидеть буду. Можно сказать, что я больная, тогда мне даже еду в номер носить будут, – усмехнулась Марина.

– Ну а на источник надо же ходить, – не сдавалась бухгалтерша.

– Вот интересно, как я четыре года девчонкой в район без провожатых ездила? А теперь по Ессентукам вы мне одной ходить не разрешаете, – уже с явным раздражением выговорила Марина.

– Да я, Мариночка, тебе верю, но вот тут такое окружение, что собьют тебя с толку. – И бухгалтерша красноречиво посмотрела на Валентину.

– Ну, если вы обо мне – насчёт окружения, – сказала та равнодушно, – то я еду в субботу на экскурсию в Домбай. Приеду поздно вечером, и мне будет не до соблазнов, а в воскресенье буду отсыпаться.

– Я тоже к родне в Георгиевск в эти выходные уезжаю, – заявила Мила. – Так что езжайте, Тамара Рамзановна, Мариша тут одна за столом посидит.

Успокоенная бухгалтерша уехала в субботу ещё до завтрака, а Марина, придя в столовую, увидела сидящую за столом

Валентину.

– Ну что, укатила твоя царица Тамара? – хитро улыбнулась она. – Гуляем!

– В смысле чего? – заинтересовалась Марина. – Вы же в горы собрались.

– Во-первых, не «вы», а «ты». Мне всего на тринадцать лет больше, чем тебе, да не люблю я эти церемонии, во-вторых, Домбаем я бдительность твоей стражницы усыпляла, а в-третьих, мы с тобой сегодня на танцы пойдём.

– Я не пойду, я слово дала, – строго ответила Марина.

– Слово не слово, а до ужина думай. Но знай: молодость даётся человеку один раз и прожить её надо так, как говорил один поэт, чтобы не было мучительно больно за бесцветно прожитые годы.

– Это не поэт, это Островский сказал так про жизнь в романе «Как закалялась сталь», и не «бесцветно», а «бесцельно», – мрачно буркнула Марина.

– Откуда знаешь? – удивилась Валентина.

– Из школьной программы и так читала.

– Так и у вас тоже Островского учат?

– Конечно, я что, не в Союзе живу? Везде учат одно и то же, – слегка обидевшись, ответила Марина.

– Да ты не серчай! Просто, когда смотришь на ваших: мужики в папахах, женщины в платках, то кажется, что вы совсем из другого мира, – миролюбиво пояснила свои слова Валентина.

– Мы действительно из другого, мусульманского мира. У нас много запретов. Мне одна учительница говорила: что у православных просто грех, то у мусульман просто «нельзя», и нарушение этого «нельзя» отмолить невозможно. А ещё есть адат – наш горский закон, его тоже выполнять надо. В общем, одни запреты.

– Как же вы тогда книжки читаете, кино смотрите, там же сплошной грех? – удивилась Валентина.

– Это же другой мир, который живёт по своим законам. Почему не смотреть?

– А в Бога веришь, вернее, в Аллаха своего?

– Я же комсомолка, – уклончиво ответила Марина.

– Ну а раз комсомолка и попала в другой мир, то и наплюй на все запреты – и пошли на танцы, – авторитетно заявила Валентина. – Молодость, она ведь как птица: раз – и улетела. Я вот вроде совсем недавно девчонкой была, а уже мать двоих детей и жена алкоголика. И нечем мне себя потешить, кроме как съездить на курорт да сходить на эти самые танцы. Поэтому и говорю тебе – пойдём. Никто тебя там не съест, если не захочешь. Здесь бабы рады бы, чтобы их украли, да никто не ворует.

Весь день до самого ужина Маринина душа разрывалась между желанием сходить на танцы и необходимостью держать своё слово – не выходить без дела за пределы номера. В то же время сходить на танцы хотелось отчаянно. Никогда раньше она не только не была на танцах, но даже школь-

ные и техникумовские вечера заканчивались для неё сразу после лезгинки, которой всегда открывали праздники. В те времена, когда в доме жил отец, который мало занимался их воспитанием, она по малости лет ходила только на школьные утренники. Когда отец их оставил, воспитанием внуков занялся дед, который был не только истинным чеченцем, но и правоверным мусульманином. Каноны горских законов и Корана он соблюдал неукоснительно.

– Тебе, Марина, особенно важно соблюдать наши законы, – говорил он внучке, – только так ты сможешь смыть с себя позор, который навлекли на нашу семью твои родители: беспутный отец и твоя несчастная мать. Тебе замуж надо выходить, а кто возьмёт себе в жёны гулящую женщину и из плохой семьи?

Комсомолка комсомолкой, а слушаться деда приходилось, и со школьных вечеров Марина уходила сразу после того, как заканчивались звуки лезгинки, где она проходила лебедем вокруг танцующих мальчишек. На семейных торжествах тоже танцевали только лезгинку. Техникумовские вечера, из-за отдалённости райцентра, пролетели мимо неё, не задев даже отголосками заезженных магнитофонных плёнок. Современные танцы она видела только по телевизору и, если в доме никого не было, крутилась под экранную музыку самозабвенно. Вот теперь, в девятнадцать лет, у неё появилась реальная возможность узнать, умеет ли она танцевать что-то, кроме лезгинки? Однако бухгалтерша со своими страхами, дед,

который, провожая её на курорт, строго говорил: «Не поддавайся соблазнам, не забывай, что ты чеченка», непрерывно стояли перед глазами и портили настроение. В обед она ещё раз твёрдо заявила Валентине, что никуда не пойдёт, а на ужине, уткнувшись глазами в тарелку, вдруг спросила:

– Ну что, идём на танцы?

– Конечно идём! – засмеялась соседка. – Чего тут киснуть? Заходи за мной в номер в восемь, и пойдём.

Когда в восемь часов Марина робко вошла в номер, где жила Валентина, та всплеснула руками:

– Ты что же не переоделась?

– А мне не во что, – спокойно ответила Марина. – Я в уголке посижу, мне бы только посмотреть.

У неё действительно ничего больше не было, кроме чёрной юбки, которую она непрерывно носила, а красная кофточка, выглядывавшая из-под толстого вязаного пальто, которое она купила в Ессентуках, была лучшим её нарядом. Денег на наряды Марина старалась не тратить: они ей нужны были для ремонта дома, а ещё для того, чтобы осуществить свою главную мечту – иметь самые красивые в селе ворота, с двумя целующимися голубками, такие, какие имел председатель исполкома в районном центре.

– Так, давай быстро снимай с себя это всё. Сейчас что-нибудь придумаем, – тоном, не терпящим возражения, заявила Валентина, открывая свой шкаф.

В результате долгих примерок Марина оказалась в голу-

бой трикотажной кофточке с овальным декольте, возле которого с левой стороны колыхались лепестки цветков, вырезанных из розовой ткани.

– От сердца отрываю, брат из Польши привёз. Таких кофточек в Союзе у меня и, может быть, у Аллы Пугачёвой, – приговаривала Валентина, натягивая на Марину эту кофточку, – но для тебя не жалко.

Кофточка туго обтягивала высокую грудь девушки, а декольте подчёркивало красоту высокой шеи и белизну не знавшей загара кожи. С юбкой было сложнее. Валентинины юбки Марине не подошли, а её собственная, со слов Валентины, была слишком длинной и унылой.

– Так, снимай, сейчас мы её подошьём.

Не дав опомниться опешившей Марине, Валентина стащила с неё юбку и, загнув её край как минимум на двадцать сантиметров, быстро наметала подол.

– Вот так – просто кайф, но теперь твои бахилы торчат из-под юбки, как валенки из-под бального платья. Туфли-то у тебя, по крайней мере, есть? – строго спросила она у безучастной Марины.

– Дома есть, – виновато ответила та.

– Дома, горе ты моё, – выговаривала Валентина, забираясь под кровать и выволакивая сапоги на высоком каблуке. – Я сегодня буду в туфлях, они мне под платье больше идут, а ты давай сапоги надевай, только смотри – каблуки не обдери. Размер-то у тебя, похоже, мой.

Марина смирилась и с короткой юбкой, и с декольте, и даже с высокими каблуками сапог, на которых она никогда не ходила, сложнее всего было уговорить её не надевать платка.

– Ты что, в платке собралась идти? – удивилась Валентина, когда девушка, сложив платок в несколько раз, решила надеть его как повязку на голову.

– Нам без платка нельзя, – твёрдо заявила девушка.

– Почему?

– Это будет неуважение к окружающим.

– Вот ещё, это твой платок на танцах будет всех смущать, так что снимай. Если хочешь, вот мой чёрный обруч надень, – настаивала на своём Валентина.

Настойчивость и непреклонность старшей подруги сломили сопротивление младшей, и она согласилась даже распустить свои пышные волнистые волосы, забрав их за уши высоким бархатным обручем.

Когда Марина увидела себя в зеркале стоящего в коридоре трюмо, она была в шоке. Оттуда, из зазеркалья, на неё смотрела высокая, яркая девица, очень похожая на тех, которых она видела на обложках журналов. Новый образ был настолько чужим, что хотелось быстрее сбросить всё это с себя. В то же время он был настолько замечательным, что хотелось пуститься в пляс прямо здесь, в этом длинном, застланном ковровыми дорожками пустынном коридоре.

– А свою вязаную кавказскую униформу своей бабушке

отдай, – не унималась за спиной Валентина, бесцеремонно вытащив из рук девушки её обнову – вязаное пальто.

– В моей куртке пойдёшь, а я надену новое пальто. Посмотри, с песцовым воротником, одного меха на триста рублей.

– Боже, как я пройду во всём этом через фойе, там же мужчины сидят и вахтёрша. Завтра же бухгалтерше доложат, – засомневалась Марина.

– Не дрейфь, я с тобой, – заверила Валентина, приподнимая белый песцовый воротник своего серого пальто.

Оставив Марину у лифта на втором этаже, Валентина походкой модели спустилась на нижний этаж, где вечером всегда собирались мужчины-отдыхающие и сидела бдительная вахтёрша. Марина, стоя этажом выше, чуть не упала со смеху, когда услыхала бодрый голос подружки:

– Мужики, там на пятом этаже женщина не может комнату изнутри открыть, что-то в замке заело. Может быть, поможете освободить пленницу? – обратилась она к мужчинам. – А вы присмотрите за ними, а то сломают двери, – предложила она вахтёрше. – Я за вас подежурю.

– В какой комнате? – спросила та.

– В пятьсот шестидесятой, – без запинки ответила Валентина.

– Далеко! – вздохнули мужчины, но им, не задействованным в санаторных вечерних радостях, было интересно хоть чем-то занять своё свободное время, и они вместе с вахтёр-

шей поехали на лифте спасать пленницу.

– Пошла, быстро! – крикнула Валентина подружке. – Жди меня у ворот, я сейчас.

– Что ты им сказала, когда они вернулись ни с чем? – спросила подружку, сгибаясь от хохота, Марина, когда та, выдыхая морозный воздух из-под отворотов песца, вышла к санаторным воротам.

– Сказала, как есть, что хотела их с места сдвинуть в профилактических целях, чтобы геморрой себе не нажили, а вахтёршу с ними послала для компании, ей ведь тоже скучно.

– Ругались?

– А как же? Но больше смеялись. Пойдём, опоздаем.

– А как же назад? – засомневалась Марина.

– Да проще простого. Я же на первом живу, у меня балконная дверь открывается. Подсажу – и залезешь. Это сейчас не хотелось вид портить, а вечером даже интересно…

Дорога до военного санатория была не близкой, и здесь, на морозном воздухе, когда снизу мороз непривычно кусал незакрытые ноги, а сверху примораживал открытую шею, Марина, пошатываясь на непривычных высоких каблуках, непрерывно думала о том, не бросить ли эту затею и не вернуться ли ей назад – в тёплый, скучный уют номера? Но сердце стучало, подстёгивая: иди, иди, иди. Она почти обрадовалась, когда у клуба их застало затишье.

– Тихо так, может быть, отменили танцы? – с надеждой

спросила она у Валентины.

– Тут всегда так. Все к половине десятого собираются. Скоро будут, пошли, не тормози.

Когда многократно отражённая в зеркалах клубного фойе Марина прошла в зал, она успокоилась. Назад дороги не было. Зал поразил её пустотой и простотой. Здесь, в отличие от их санаторной столовой, не было ни хрустальных люстр, ни мраморных колонн. «Да, как мало напоминает этот зал тот, в котором был первый бал Наташи Ростовой», – подумала она, глядя на пустое помещение, освещённое лампами цветомузыки, блики которой высвечивали ряды стоящих вдоль стен стульев с одиноко сидящими женщинами. Сегодня, когда она разрывалась между долгом и желанием, танцы представлялись ей чем-то волшебным, таким же, как в её любимом фильме «Война и мир». Этот был первый фильм, который она ещё в детстве посмотрела с бабушкой в их сельском клубе. Тогда она на одном дыхании просмотрела все четыре серии фильма, любуясь красивыми нарядами и совершенно удивительной Наташей Ростовой.

– Бабушка, я ей письмо напишу, – заявила восьмилетняя Марина, идя с бабушкой из кинотеатра.

– Кому?

– Наташе Ростовой.

– Так её же давно нет на свете, – улыбнулась бабушка.

– Как это «нет»?

– Это уж давно было, никого уж нет. Да и не было. Это

ведь писатель всё сочинил.

– Нет, это всё было, я знаю, – ответила Марина, – и Наташа очень хорошая, хоть и не чеченка.

Когда бабушка вместе с отцом вернулась из Петербурга, первое, о чем её спросила внучка, было:

– Бабушка, ты видела зал, где танцевала Наташа?

– Видела, моя милая, видела. Там красивее даже, чем в фильме.

Танцевальный зал военного санатория был совсем некрасивым, и музыки ещё не было, только разноцветные огоньки весело подмигивали: «Всё будет!» Всё началось, когда из стоящих под лампочками колонок грянула музыка. Вначале в центр зала вышел какой-то странный человек и запорхал в мерцании ламп, исполняя одному ему ведомый танец.

– Это местный сумасшедший, – сказала Валентина на ухо, перекрикивая музыку. – Его, говорят, из театра оперы и балета погнали как шизофреника, теперь он здесь себе зрителей нашёл. Пойдём танцевать, чего на этого убогого лебедя смотреть?

Ободрённая отсутствием публики, не обращая внимания на странного танцора, Марина вышла в центр зала и уже с первых движений, стоя напротив покачивающейся в такт музыке Валентины, поняла, что поймала такт и уже его не отпустит. Одна мелодия сменяла другую, и она танцевала, забыв всё на свете. Сердце стучало в такт музыке, а душа пела: «Хорошо-то как!» Но вот музыка смолкла, и Марина, об-

ведя глазами зал, с удивлением отметила, что он уже полон и она давно танцует не наедине с Валентиной, а в кругу нарядных и улыбающихся женщин. Эти улыбки тоже её поразили: в них была надежда и ожидание чего-то необыкновенного. Уже не пошатываясь на каблуках, а вполне твёрдой походкой, Марина двинулась вслед за Валентиной к рядам стульев.

– Почему музыка кончилась?

– Сейчас медляк пойдёт, – бросила та через плечо, – готовься, мужики начнут приглашать.

От этих слов стало страшно. Сейчас какой-то совершенно незнакомый мужчина обнимет её за талию, и надо будет стоять от него совсем близко, не имея возможности отодвинуться. Тётка, которая по наущению деда в последние годы активно занималась её мусульманским воспитанием, множество раз говорила ей:

– До свадьбы ни один мужчина не должен дотрагиваться до тебя, если же кто-то вольно или невольно сделает это – ты должна будешь отмаливать этот грех.

– А если это он нарочно сделает? – каждый раз удивлялась Марина.

– Он должен жениться на тебе, или его покарают твои мужчины-родственники.

Тётка была редкой занудой, и Марина от нечего делать любила позлить её:

– Ну вот, например, сегодня я едва протиснулась в рейсо-

вый автобус, так что, все мужчины, которые меня касались в этой давке, должны на мне жениться? Или я должна теперь весь вечер, вместо того чтобы заниматься, отмаливать грехи? Какие инструкции в Коране по поводу этого?

– Я не читала Коран, но от матери знаю, что надо молиться. К тому же, когда пророк Мухаммед писал Коран, автобусов не было. Поэтому помолись за всё сразу: и за то, что ослушалась деда и пошла учиться с чужими мужчинами, и за то, что они теперь думают, что ты стала доступна для них. Кто должен будет жениться, ты сразу поймёшь, не ошибёшься. Две большие разницы: то ли он просто натолкнулся на тебя, то ли хочет тебя как женщину.

Что такое «хотеть, как женщину», Марине стало ясно, когда в доме появился дядька Толик. Она, жительница села, где непрерывно на глазах у всех спаривались животные, хорошо знала, откуда берутся дети. Однако представить себе, как это получается у людей, ей было сложно, да и думать на эти запретные темы ей не хотелось. Чистая душа, даже при вполне созревшем теле, не пыталась разгадать до срока таинство полов, хотя, что греха таить, она давно поняла, кто дотрагивается до неё случайно, а кто – совсем с иными целями.

– Вон идёт за тобой, сейчас пригласит, – процедила, не поворачивая головы, Валентина.

– Кто? – сжалась Марина.

– Да вон тот высокий парень, он все глаза на тебя проглядел, когда ты танцевала. Не заметила?

– Нет.

– Он у лестницы стоял. Теперь к тебе движется. Я никогда не ошибаюсь, кто за кем.

Действительно, через танцплощадку, едва заполненную народом, к ним бодрой военной походкой шёл высокий светловолосый парень и, протянув Марине руку, улыбаясь, сказал:

– Пойдём потанцуем.

С перепуга, не найдя ничего лучшего, она ответила:

– Я не умею.

– Да ладно, не умеешь, пойдём, – сказал он и, бесцеремонно схватив за руку, буквально вытащил её на середину зала.

– Откуда ты, красивая дикарка? – спросил парень, одной рукой обхватив талию девушки, а второй прижав её вытянутую ладошку.

– Из Боевого, – чуть дыша от смущения, ответила Марина.

– А я думал – из Тихонино, – привлёк он её к себе. – И где же это самое Боевое?

– В Чечне, – стараясь отодвинуться от парня, пролепетала Марина.

– Ну, это меняет дело, – сказал он и, скорчив строгую гримасу, демонстративно отодвинулся от девушки. – И звать тебя, наверное, Зухра или Зульфия?

– Нет, Марина.

– Странно, но приятно, а я Алексей Терёхин, гвардии старший лейтенант Советской армии, – прищёлкнул он каб-

луками. И тут же неудачно сострил: – А где же твой злой чечен?

– Какой? – поинтересовалась Марина.

– Да тот, который ползёт на берег и точит свой кинжал? – широко улыбнувшись, ответил парень.

– А где твой медведь? – неожиданно разозлившись, парировала Марина.

– Какой? – опешил парень.

– Да это я так, – уже миролюбивым тоном ответила Марина, – чеченцев кинжалом постоянно донимают, украинцев – салом, ну а русских медведями.

– Ты смотри, вроде тихоня, а сказала, как отрезала, – удивился Алексей. – Настоящая дочка гор.

Надерзив кавалеру, Марина вдруг почувствовала, что все её страхи прошли, а есть только музыка и этот весёлый парень, с которым танцевать было одно удовольствие. Прошла неуверенная от каблуков походка. Ноги, не сбиваясь, попадали в ритм, но главное – в объятиях этого совершенно незнакомого человека было как-то необыкновенно радостно, и страшно не хотелось, чтобы танец закончился. Хотя лейтенант и не собирался отпускать её от себя.

– Стой, Мариша, танцуем дальше, – шепнул он ей на ухо, когда медленная музыка сменилась на быструю. – Только продолжаем танцевать в паре, не люблю эти потоптушки. Я научу тебя, как правильно танцевать быстрые танцы.

И действительно, её, никогда не танцевавшую в паре, он

быстро научил быстрым переходам, переворотам, и она летала в его руках – весёлая, быстрая и умелая.

– Хорошо ты танцуешь, а говорила – не умею.

– Я, правда, не умею, я только дома перед зеркалом танцевала, – оправдывалась Марина.

– А сколько же тебе лет, что ты ни разу на танцах не была?

– Девятнадцать, – без тени кокетства ответила Марина.

– Неужели такое бывает? – удивился парень. – Может быть, ты скажешь, что ты ещё и не целовалась ни с кем?

– Нет, – ответила, покраснев, Марина и, выдернув свою руку из рук парня, быстро пошла к своему месту.

– Ты чего, обиделась? Ну и зря, я же не собираюсь учить тебя ещё и целоваться. Я просто так, из здорового любопытства спросил. Ну, ни разу не приходилось не целованных красавиц видеть, – договаривал он, усаживаясь на стул рядом с Мариной. – Ты тоже хороша, сразу бы сказала: «Так, мол, и так, гвардии старший лейтенант Терёхин, я девушка строгих горских правил, просто случайно залетела сюда в самоволку по недосмотру старших по званию».

Услыхав про самоволку, Марина не удержалась и хмыкнула.

– Чего, точно в самоволку? – обрадовался лейтенант. – От кого сбежала?

– От царицы Тамары, – засмеялась Марина, представив царицу в галифе и с усами.

– Что за царица такая?

– Да наша бухгалтерша со стройки. Меня без неё не пускали.

– А что, ты ненадёжный товарищ?

– Да нет, надёжный, только обычай у нас такой. Девушкам без сопровождения старших нельзя быть на улице.

– Слушай, точно! А мы всё с другом удивлялись, что это вы все по двое ходите, как военный патруль. А тут, оказывается, всё по уставу. А форму свою куда спрятала?

– Какую форму? – удивилась девушка.

– В армии, когда солдат в самоволку уходит, он всегда в потаённом месте форму прячет и переодевается в гражданское, чтобы патруль не донимал. Мы с другом заметили, что у кавказских женщин тоже форма имеется: длинная юбка, кофта и платок. Идёт по улице, и со спины непонятно, девушка или тётка. Тут я как-то выиграл американку. Идём по улице, а впереди две ваших дамы движутся. Я другу предложил американку, что та, которая со стороны дороги идёт, – девушка, а та, которая к домам жмётся, та женщина. Побежал друг проверять, заглянул в лицо той, которая с краю шла, – действительно девушка. Только она так зыркнула на него, что он уже два дня икает.

Услыхав последние слова, Марина заливисто засмеялась, вспомнив, как действительно два дня назад её обогнал какой-то парень в куртке поверх спортивного костюма и заглянул в лицо. Она, устав от назойливого любопытства, глянула на него своим особым взглядом, который в техникуме назы-

вали: «Не влезай, убьёт!» (такими надписями пестрели одно время все столбы линий электропередач).

– Смешно тебе, а парень чуть в штаны со страху не напустил, тем более что после клизмы был, – продолжал смешить девушку лейтенант.

– Я смеюсь потому, что это была я, – превозмогая приступы смеха, ответила Марина.

– Да ладно, – удивился лейтенант, – та была совершенная аборигенка, а ты вполне цивильный человек.

– Это же в четверг было во время предобеденного водопоя? А парень такой плотный, в синей куртке поверх серого спортивного костюма с белыми лампасами?

– Точно, ну и память, просто хоть в военную разведку. Я бы сроду не смог описать, во что кто одет. Я могу только сказать, хорошо или плохо. Так, значит, это ты была? Кто же тогда эта фея, которая превратила тебя из кавказской Золушки в прекрасную принцессу?

– Моя соседка по столу, видите – та, в красном платье, – кивнула девушка в сторону отплясывающей в кругу Валентины.

– А эту дэвушку, – нажимая на «э», промолвил лейтенант, – я не первый раз вижу. Отрывается, видимо, по полной в стороне от любимого мужа.

– Он у неё пьяница, – заступилась за подругу Марина.

– Пьяница – это неотъемлемая составная русского мужика. Всё понятно, но соседке твоей спасибо. Если бы не она,

то я никогда не встретил бы самую красивую девушку Советского Союза. Идём танцевать, Золушка-Мариша, а то сбежишь, и останется от тебя один только сапожок на высоком каблуке. Ходи его потом примеряй…

Танцы, не так давно переименованные в дискотеки, продвигались во времени по традиционному регламенту, согласно которому на три быстрых танца, когда все танцуют в кругу, приходится один медленный парный танец. Однако Алексей с Мариной, не признавая никаких правил, затаив дыхание, танцевали парой, боясь спугнуть зарождающееся в душе странное, ранее неизведанное чувство. Оба очнулись, когда услыхали раздавшиеся из динамика слова:

– Последний вальс! Дамы приглашают кавалеров.

И зал заполнила чудесная музыка, которую Марина очень любила.

– Евгений Дога, музыка из кинофильма «Мой ласковый и нежный зверь», – произнесла она заезженную радиотрансляцией фразу. И вздохнула: – Жаль, что я не умею танцевать вальс.

– Не можешь – научим, не хочешь – заставим, – по-военному произнёс Алексей и повёл её по кругу, постепенно убыстряя темп.

Сколько раз Марина, оставшись одна дома, кружилась по комнате под этот вальс, а теперь её несла по залу неведомая сила, и она, повинуясь этой силе, закинувши назад голову, кружилась легко и непринуждённо, не думая ни о чём.

И только когда последние звуки вальса затихли, душу сковала тоска: «Всё кончено, завтра опять: платок, бухгалтерша, её родня – и никогда больше не будет этого замечательного зала, этой музыки и его, большого и симпатичного парня по имени Алёша». Заметив проскользнувшую по её лицу тень, лейтенант спросил:

– Что, голова закружилась?

– Наверно, – ответила Марина и кинулась от него к проходившей мимо Валентине.

– Познакомь с молодым человеком, – попросила та, оглядывая стоявшего за спиной подружки парня.

– Знакомься, лейтенант Терёхин, Алексей, – сбивчиво представила партнёра по танцам Марина.

– Гвардии старший лейтенант, – поправил её Алексей.

– Да я вижу, что гвардия, – дёрнула кокетливо плечами Валентина, – совсем закружил мою соседку. Валентина, можно Валя, а это Сергей, – выдвинула она из-за своей спины смирно стоящего лысоватого мужчину.

– Сергей, – буркнул тот и слегка покраснев.

– Ну что, пойдёмте? Ещё погуляем, – предложила Валентина, – всё равно уже через балкон лезть.

На улице падал снег. Снежинки были большие и лохматые. Они быстро закрывали землю, лапы густо посаженных ёлок, распущенные волосы Марины и песцовый воротник Валентины. Её спутник, поддерживая под локоть даму, держался от неё на некотором расстоянии. Она же, постоян-

но поскальзываясь, постепенно сокращала расстояние между собой и кавалером.

– Бойкая у тебя соседка, она не из вашего Боевого? – спросил Алёша, подхватив Марину под согнутый локоть.

– Нет, она из Брянска. Весёлая. Всё время меня за столом смешит, – ответила Марина, не переставая с ужасом считать минуты до того страшного момента, когда кончится эта зимняя сказка.

– Пусть идут вперёд, не будем им мешать, – промолвил Алёша, притягивая её к себе. – Прижмись, так теплее и надёжнее идти, – шепнул он на ухо Марине. – Вам далеко?

– Нет, мы живём в санатории «Центросоюз», он за новым бюветом, – ответила Марина, сожалея, что этот санаторий находится не за переездом, а тут, в пятнадцати минутах ходьбы.

– Тогда давай, чтобы продлить дорогу, зайдём на львов посмотрим, – предложил Алёша.

– На каких львов? – изобразила удивление девушка.

– На белых, у грязелечебницы, ты что, их не видела? – удивился парень.

Конечно, она видела этих львов и здание грязелечебницы, которое казалось настоящим дворцом. Просто невозможно было представить, что можно так вот запросто, практически в обнимку с незнакомым парнем идти и смотреть на этих самых львов.

– Давай их позовём, – махнула она в сторону Валентины и,

не дожидаясь ответа, крикнула: – Валентина! Идём смотреть на львов!

– Идите, идите, что я, львов не видела? Только помни, что я тебя жду, – ответила та, увлекая кавалера на боковую улицу.

Потом Марина сама не могла ответить себе на вопрос, как она могла пойти с незнакомым мужчиной гулять по ночному городу? Бродили они долго. Алёша рассказывал об истории курорта, стараясь обходить острые углы, касающиеся тех моментов, как вытеснялись русскими войсками из этих благодатных мест жившие здесь издревле кавказские племена.

– Думаю, спокон веков этими водами лечились местные народы, но курортом город стал, только когда питерский доктор исследовал эти воды и определил их целебные свойства. Представляешь, первые отдыхающие отрывали ямки и в них купались, а воды пили столько, что некоторые всерьёз потом заболевали.

– А ты не знаешь, кто такой Анджиевский? – поинтересовалась Марина. – Я каждый день на водопой мимо его памятника прохожу.

– Мне местный один рассказывал, что это известный на Кавминводах чекист-душегуб. Много народа он здесь загубил.

– Тогда почему памятник не убрали? Почему один из санаториев носит его имя?

– Ну, знаешь, убирать памятники, наверное, не стоит. Па-

мятник, он для того, чтобы помнить о том, что было, и не повторять ошибок. Пойдём, я тебе один занятный памятник покажу. Тут санаторий ЦК КПСС. Мы с другом заходили – чуть не умерли со смеху. Только смелее шагай, вроде мы здешние отдыхающие, – предупредил он, заходя в ворота партийного санатория.

– Смотри, какая прелесть, – показал Алёша на засыпанный снегом памятник. – Сейчас я его немного почищу.

Когда Алёша разбросал пушистый снег, лежащий на гипсовой скульптуре, открылась замечательная картина: сидящий на скамейке Ленин. В принципе сидит и сидит вождь мирового пролетариата, но, глядя на свободную скамейку, в голову приходило, что кого-то не хватает: сидел человек с Ильичём, но взял да ушёл, оставив товарища скучать в одиночестве.

– Мне тут местные рассказывали, что до Никиты Хрущёва тут на скамейке рядом с Лениным Сталин сидел. А потом его, голубка, убрали. Нечего, мол, нашего любимого вождя компрометировать. Хочешь, посиди рядом. Можешь завтра сфотографироваться на скамейке с вождём. Я бы сам тебя сфотографировал. У меня «ФЭД» есть, но… – запнулся он, подняв глаза на Марину, – завтра я еду в Домбай, а послезавтра уезжаю в часть.

Услыхав это, улыбавшаяся до этой минуты Марина вдруг как-то сникла и, стараясь не показать набежавшие на глаза слёзы, предложила:

– Проводи меня домой, Валентина ждёт, да и ноги замёрзли. – И, решительно развернувшись, пошла к выходу.

– Маринка, ты чего, расстроилась? – догнал её Алёша.

– Нет, у меня действительно замёрзли и устали ноги, – сказала она, ускоряя шаг.

Ей было обидно, что встреча с этим удивительным парнем заканчивается, не успев начаться.

– Слушай, – крикнул ей вслед лейтенант, – а когда твоя царица Тамара возвращается?

– Завтра в десять вечера автобус придёт, – бросила через плечо Марина.

– Ну, тогда живём, – обрадовался Алёша, – завтра мы с тобой едем вместе в Домбай. Может, он тебе и надоел, но хоть мне составишь компанию. У меня два билета. Один мой, другой Пашкин. Он ехать не хочет, вот и поедем вместе.

Марина стала отказываться, оправдываясь тем, что не может ехать с ним днём, на глазах у всех, в этот самый Домбай, который ей не мог надоесть по той простой причине, что она там ни разу не была, как и вообще не была ни на одном горном курорте.

– Ну ты даёшь, как это не была? Рядом с горами всю жизнь живёшь – и ни разу не бывала? Чудно как-то, – удивился Алексей. – Но если это правда, то сам бог велел съездить туда со мной вместе. Никто тебя не увидит. Люди на экскурсию собираются со всех санаториев. Мы тут на Чегете в прошлые выходные с Пашкой были, ни одного из кавказцев на экскур-

сии не было. Видимо, как и ты, они в горы не ездят.

Марина не отвечала ни да ни нет. Всё это было слишком неожиданно и, с её точки зрения, рискованно и непонятно. Уедет ведь в понедельник. К чему эти горы?

К балкону Валентины они пробирались буквально по снежным сугробам. Марина, увязая по щиколотку в снегу, страдала от мысли, что может повредить чужие сапоги. Нога и впрямь подвернулась на скользкой отмостке корпуса, и острая боль заставила девушку вскрикнуть.

– Ты чего? – перепугался Алёша.

– Ногу, похоже, вывихнула, – сдерживая подступившие слёзы, едва вымолвила Марина.

– А ну, иди сюда, – сказал лейтенант.

Не успела она опомниться, как оказалась на сильных Алёшиных руках.

– Какой балкон? – спросил он деловито.

– Вон тот, где свет, – ответила смущённая девушка.

Посадив Марину на гипсовый парапет, смахнув рукой лежащую на нём шапку пушистого снега, Алексей одним махом запрыгнул на лоджию и, подхватив девушку на руки, ногой постучал в балконную дверь.

– Это ты, полуночница? А я уже собралась спать ложиться, – сказала Валентина, открывая балконную дверь.

Увидев Марину на руках стремительно ворвавшегося в номер лейтенанта, она, как всегда, бесцеремонно заявила:

– Ну ты даёшь, подруга, уже на руках кавалера, а всё ти-

хоней прикидывалась.

– Валюша, это не то, что вы думаете, – ответил Алексей завязанной в цветной платок поверх бигуди хозяйке номера. – Мариша ногу подвернула, сейчас я её вправлю и пойду.

– А каблуки не поломала? – забеспокоилась та.

– Целы каблуки, сейчас и нога будет в порядке, – заверил её Алексей и, не обращая внимания на Маринины стоны, ловко стащил сапог с её ноги, а затем умело повернул её.

– Не «ой» надо говорить, а «порядок», – весело сказал он, подняв весёлые глаза на девушку. – Бинт есть? Сейчас затянем – и вперёд, завтра будешь как новая, – продолжал он, туго перевязывая повреждённую ногу. – Ну вот и всё, я отбываю в своё расположение. Мне не на первый, а на третий этаж надо забраться. Двери-то уже давно закрыты. Да, Мариша, завтра, вернее, уже сегодня в пять сорок пять я жду тебя у ворот санатория. Не сможешь ходить в Домбае – буду носить на руках. Отказы не принимаются!

После этих слов, лихо перемахнув через парапет, подняв облако снежной пыли, он ушёл, оставив после себя лёгкое недоумение: «Что это было?»

– Ничего себе парня отхватила, тут такие редкость, – первой заговорила Валентина. – Женат?

– Откуда я знаю? – смутилась Марина. – Я не спрашивала.

– А надо было спросить, не так прямо, в лоб, а, например, «Как вас из дома отпустили?»

– Неудобно, да и зачем, он завтра уезжает, – грустно ска-

зала девушка.

– Он тут не больше недели по моим подсчётам. Я за ним на танцах наблюдала: танцевал со многими, но никого провожать не ходил, по крайней мере на моих глазах. Мы с Милкой решили, что он жену поджидает и светиться не хочет, а на тебя так сразу запал. Вот что значит молодость, а ко мне этот тюха-матюха приклеился, даже не поцеловал на прощание. Всё про горы рассказывал. Лучше бы на экскурсию пригласил. Твой-то вон сразу в Домбай позвал, а этот всё: горы то, горы сё, а как до дела, то ни, то ни сё.

Валентина ещё долго разглагольствовала в таком духе, но Марина практически не слушала её: в голове не смолкая звучал вальс.

– В чём ты поедешь в горы? – донеслись откуда-то издалека слова Валентины.

– В том, что есть, в том и поеду, – равнодушно ответила она, но Валентина не отставала:

– Так, брюк у меня подходящих нет. Ты юбку отпусти, потеплее что-нибудь вниз надень и куртку мою бери. В твоей кофте тебя на вершине просифонит насквозь. Вот ещё шапочку и рукавички мои возьми, – протянула она девушке синие вязанки. – Бери, не стесняйся, мне они завтра ни к чему. Буду весь день в номере валяться.

Марина, о которой после смерти бабушки никто не заботился, смотрела на эту русскую, которая опекала её как родную, буквально влюблёнными глазами.

– Ну, что смотришь? – грубовато спросила Валентина.

– А все русские такие или ты одна такая добрая?

– Да пёс нас разберёт, мы то одно, то другое, то добрые, то нет. Злить нас не стоит, это точно. А ты что, мало с русскими общалась?

– Почти не общалась. Есть, конечно, в селе казаки, но они на нас похожи, много наших законов переняли, а вот настоящих русских практически встречать не приходилось, кроме одной…

Она так красноречиво замолчала, что Валентина заинтересовалась:

– Кто же это такая?

– Мачеха моя, отец к ней от нас ушёл. Не хочу об этом сегодня вспоминать.

– Вот и не вспоминай, иди спать. Завтра тебя ждёт чудесный день, – проводила Валентина подружку.

В пять часов утра Марина вскочила с кровати, не дожидаясь звонка будильника. Первой мыслью было: «Сейчас я его увижу!» При этой мысли душа сжалась неизведанной, сладкой болью и ахнула: «Влюбилась!» Нельзя сказать, что за свои девятнадцать лет она ни разу не обратила внимания на парней. Одно время ей казалось, что ей нравится отличник Сулеймен, но он был настолько надменным, что быстро разонравился. Потом, уже в техникуме, она была неравнодушна к старосте группы – солидному и осанистому Василию Кулагину, который уже успел отслужить армию. Он

был из терских казаков: смелый и бесцеремонный. Однажды она поскользнулась на лестнице и чуть не покатилась вниз по ступенькам. Он подхватил её сильными руками и, поставив на ноги, нагло глядя в глаза, сказал:

– Ох и сладкая ягодка ты, освобождённая женщина Кавказа! Так бы и съел тебя, но больно злая – ещё зарежешь.

После этих слов её симпатии к старосте поубавились – и окончательно прошли, когда однажды зимой, подбежав сзади, он буквально свалил её в снег и попытался поцеловать. Собрав все свои силы, Марина вырвалась из его крепких объятий и, отвесив парню мощную затрещину, предупредила:

– Ещё раз тронешь – я братьям скажу!

Того факта, что брат у неё малолетний, Василий не знал, но связываться с роднёй чеченки побоялся и больше её не трогал.

Сейчас же с нею произошло что-то необыкновенное, совершенно непохожее на те, прежние влюблённости. Новое, неизведанное ранее волнение заполняло всю её, заставляя душу трепетать от одной только мысли: «А вдруг не придёт?» Эта мысль тотчас улетела, а её место заняла ликующая фраза: «Пришёл!», стоило Марине увидеть на заснеженной кипарисовой аллее высокую, статую фигуру офицера.

– Значит, едем, а я боялся, что передумаешь. Как нога? – спросил он без всяких предисловий и, взяв её за руку, повёл слегка прихрамывающую подружку к бювету, откуда отправ-

лялись экскурсионные автобусы.

Руку девушки он не отпустил и тогда, когда они уселись в тёмном, остывшем за ночь «Икарусе», и тогда, когда за окном замелькали огни набегающих улиц, и даже тогда, когда уже далеко за городом над проступавшими в утренних сумерках горами стало вставать солнце, окрасив небо в розово-фиолетовые тона. Он рассказывал ей о себе, о матери-учительнице, рано оставшейся без мужа-лётчика, который погиб во время учений, стараясь посадить неисправный самолёт. Про то, как он тогда, ещё восьмилетний мальчишка, дал себе клятву, что станет, как папа, пилотом. Про то, как любит он это необыкновенное чувство отрыва от земли на огромной стальной птице. Как с замиранием сердца смотрит на расстилающееся под нею лоскутное одеяло земли, расчерченное квадратами полей с ровными краями лесопосадок.

– На земле кажется, что она вся застроена городами и сёлами, – говорил Алексей, – а там, высоко в небе, понимаешь, что живём мы на маленьких клочках земли, а всё остальное – это пашни, леса и озёра, которые нас кормят. Я тут как-то читал, что для того, чтобы прокормить одного американца, надо засеять девять гектаров земли, а одного нашего – всего два. Я летал над Россией, Украиной, Прибалтикой и Кавказом. Так мне кажется, что прибалтам хватает гектара земли, русскому и украинцу гектар по двадцать, ну а вам вообще несколько соток, так мало у вас пахотной земли. Вообще

не понимаю, чем кормятся кавказцы? Полей почти нет. Коров редко встретишь. Свиньи здесь вообще на свиней не похожи, бегают как тощие собачонки на длинных ногах, вон одна борзая побежала, – кивнул он в окно, где буквально из-под колёс автобуса выскочило злое облезлое существо, мало похожее на свинку.

– У нас больше сельского населения, и каждая семья имеет своё хозяйство: овец, кур, гусей. Огороды у всех есть, вот и кормимся, – пояснила Марина. – Мы же по мусульманской традиции свинину не едим. Этих, – улыбнулась Марина, глядя, как хрюшка, оступившись, свалилась в придорожную канаву, – держат просто как домашних собак.

– У тебя в Боевом тоже хозяйство есть? – заинтересовался Алёша.

– Есть, конечно. Раньше мама им занималась, а потом, когда она умерла, я с братом стала за скотиной ухаживать.

– А отец?

– Отец, он давно в городе живёт. У него другая семья, – сказала девушка и замолчала.

– Ну, прости, а то я думаю, почему у тебя такая сильная и шершавая ручка, – перевернул Алёша Маринину руку ладошкой вверх, – а ты, оказывается, трудовой человек.

– Это не от хозяйства больше, а от стройки, я маляр-штукатур, – засмущалась Марина и решительно выдернула свою ладонь из рук парня.

– Ну ты даёшь, красавица, умница, да ещё и трудовой то-

варищ, – засмеялся он и опять завладел рукой девушки. – Не отнимай, тебе что, неприятно? – шепнул он ей на ухо.

– У нас нельзя девушке касаться мужчины до свадьбы, – строго ответила Марина, опять выдернув руку.

– Это замечательно. Зачем их касаться? Можно только меня, – накрыл он своей ладонью Маринину руку.

– Тебе тоже нельзя, ты же не муж.

– Так буду. Мне давно надо жениться, мать и начальство настаивают. Мать боится, что загуляю и вообще никого себе не выберу, а начальству с женатыми легче. Пьют меньше и служат исправнее, стараясь звание получить, чтобы жене угодить. Где я ещё такую отличную жену себе найду: красивую, скромную и работящую? – поглядел он с улыбкой в зардевшееся от его слов лицо девушки.

– Чеченкам нельзя выходить замуж за русских, – буркнула она себе под нос.

– Это когда было, а теперь всё это ерунда, – не слушал он её, продолжая балагурить. – А что, у нас вокруг части много свободной земли. Хрюшек разведём, курочек, детишек штук семь на счастье – четыре мальчика и три девочки.

– На это ещё надо согласие родителей получить и меня спросить, хочу ли я себе такого мужа? – включаясь в шутливый разговор, сказала Марина.

– Ну, тебя я беру на себя, а родителей, похоже, у тебя нет. У кого же просить благословения?

– Если нет родителей, то спрашивают у дедушек, бабушек,

братьев и сестёр. Дед Аслан у меня очень строгий, все обычаи соблюдает и русских не любит.

– А ты любишь?

– Я вас ещё мало знаю, чтобы любить.

– Значит, полюбишь, я тебе обещаю. То, что вы нас не любите, – это понятно. Кто поработителей любит? Но согласись, что мы странные поработители, хуже своих вассалов живём. Своё отдаём, лишь бы не обижались и не ныли.

Сказав это, он снял свою руку с руки девушки и замолчал.

Ей стало грустно и неуютно без его тёплой руки и неловко от того, что она задела сложную для них обоих тему.

– Ты обиделся? – спросила Марина, примирительно заглядывая Алексею в глаза. – А зря, дед, кроме чеченцев, никого не любит.

– Понятно, все народы друг друга недолюбливают, – промолвил он, глядя поверх голов сидящих впереди пассажиров. – Насчёт русских и чеченцев я так скажу, что не мы с тобой эту кашу заварили – не нам её и расхлёбывать. – А затем без всякого перехода добавил: – Глаза у тебя просто удивительные. Как глянула на меня своими синими блюдцами – я просто обалдел. Никогда таких не видел. У кавказцев же должны быть карие глаза?

– Почему, у нас много людей с синими и зелёными глазами. У моего отца синие глаза, – улыбнулась Марина и обрадовалась, почувствовав, что её осиротевшая было рука опять скрылась в широкой ладони лейтенанта.

Чем дальше они удалялись от Ессентуков, тем заметнее холмы переходили в горы, а потом уже стали исчезать и лесистые горы, уступая место высоким скалам, на крутых склонах которых лишь кое-где лежал снег да зеленели редкие, тощие деревца.

– Как красиво, – вырвалось из груди Марины, когда над ними нависла жутковатая красота скал, – как в волшебном царстве!

– Неужели ты никогда здесь не была? – удивлялся Алексей.

– Нет, вправду не была. Папа одно время водил экскурсионные автобусы, но на нас у него всегда не хватало времени. Когда класс ездил в горы – мама болела, и не на кого было хозяйство оставить, когда была экскурсия из техникума – на стройке был аврал, и меня не отпустили.

– Знаешь, это даже хорошо, что я тебе покажу красоту твоего Кавказа, – радовался Алексей. – На дольше запомнишь и меня, и эти места. Я же тут не первый раз. Всё собирался здесь на горных лыжах покататься, но так пока и не пришлось. Теперь вместе поедем, согласна?

– Да, – просто ответила Марина.

Думать о том, возможно ли такое, не хотелось. Трёхчасовая дорога до Домбая показалась Марине совсем короткой, и, когда экскурсовод объявил: «Мы прибыли в конечный пункт нашего путешествия», она с сожалением вышла из автобуса.

Здесь, как и в Ессентуках, вчера выпал снег. Он плотно укрывал землю и лежал большими пушистыми шапками на домах, на деревьях, переливаясь в лучах яркого зимнего солнца. Марину, привыкшую к строгому, практически безлесному пейзажу предгорий Кавказа, поразила эта удивительная красота. Восторг не утих и тогда, когда они вступили на дорогу, увешанную застывшими струями горных водопадов, и тогда, когда она, радостно болтая ногами, поднималась вверх на канатной дороге. Восторг достиг самой высшей своей формы, которая называется счастьем, когда, стоя почти на трёхтысячной высоте, над раскинувшейся под ногами живописной домбайской долиной, она услыхала многократно отражённый горами крик Алёши:

– Марина самая красивая девушка в СССР!

Парень стоял на небольшом уступе над крутым склоном и, сложив ладони рупором, кричал в звенящую тишину, и звук его голоса, отразившись от склонов соседней горы, а затем от других каменных круч, витал над долиной, не обращая внимания на группы туристов, непрерывно доставляемых на гору неутомимой канатной дорогой.

– Ты слышала, что ответила мне Белалакая? – спросил Алёша, глядя счастливыми глазами на девушку.

– Какая Белалакая? – спросила та.

– Да вон та гора, напротив. В прошлый раз, когда я был здесь, она пряталась за тучами, а сегодня стоит на виду, как невеста на выданье.

Гора с обрывистым, ровным, как будто срезанным острым ножом, склоном стояла перед ними во всей своей зимней неповторимой красе, позолоченной лучами поднимавшегося над скалами солнца.

– Так слышала или нет, что она ответила? – привлекая Марину за плечи к себе, опять спросил Алёша.

– А что?

– Она отозвалась эхом: «Красивая, красивая, красивая…» Ты же знаешь, что это про тебя, – как ребёнок радовался Алёша.

– Ты всё выдумываешь, – улыбалась Марина, – она так не говорила.

Алёша, чтобы доказать обратное, опять кричал свой лозунг и повторял его до тех пор, пока экскурсовод не прервал его словами:

– Молодой человек, мы согласны, что ваша Марина самая красивая девушка в СССР, но не согласны из-за этого ночевать здесь на склоне горы. Идёмте, скоро подъёмники отключат.

Возвращались они домой в шумной компании подгулявших в домбайской долине туристов. Марина, разгорячённая глинтвейном, разомлевшая от большущей порции шашлыка, которыми угощал её Алёша в маленькой деревянной кафешке, стоящей в кругу заснеженных елей, подпевала вместе с Алёшей казавшиеся очень знакомыми песни.

– Маринка, ты хорошо поёшь, – перекрикивая шум, ска-

зал ей Алёша. – Что, в хор ходила?

– Нет, я пела только на уроках пения, а больше петь не приходилось.

– Почему?

– Стеснялась.

– Ну, у тебя и денёк выдался: впервые в горах, впервые выпила вина и первый раз запела. Я себя буквально Мефистофелем чувствую, – засмеялся Алексей. – Дед твой меня бы по головке не погладил.

– Да, дедушка считает, что русские нас портят.

Песни стихли только за полчаса до Ессентуков, но говорить уже не хотелось, и они ехали молча, ощущая, как через сомкнутые ладони общаются их души. К бювету подъехали уже в темноте. До ворот её санатория шли молча, и только остановившись у красивого здания отделения внутренних дел Ессентуков, которое по какой-то нелепой случайности размещалось в самом центре курортного городка, Алёша сказал:

– Мариша, спасибо тебе за всё. Я никогда не чувствовал себя таким счастливым, как сегодня. Жаль, что мы из разных миров, жаль, что мой поезд уходит через час, жаль, что твоя стражница вот-вот приедет… Но ты должна знать, что мы ещё обязательно увидимся – и не только увидимся, но и проживём вместе, если ты не возражаешь, долгую и прекрасную жизнь. Дай только мне разобраться дома со своими делами, и я приеду в твоё Боевое и увезу тебя с собой в Россию. Если

дедушка Аслан будет против, я, как ваши джигиты, просто украду тебя. Согласна?

– Да, – чуть слышно вымолвила Марина.

– Тогда диктуй адрес.

– С адресом всё просто: Чечено-Ингушская АССР, Боевое, дом 10, – произнесла девушка, наклонив голову, чтобы скрыть набежавшие слёзы.

Потом она, как ни старалась, не могла вспомнить, как так получилось, что губы её утонули в чём-то тёплом и ласковом, отчего душа ёкнула и ушла куда-то вниз, разлив по телу сладкую негу.

– Маришка, жди меня! – скорее выдохнул, чем сказал лейтенант и, резко отстранив девушку от себя, быстро пошёл прочь.

Глава 2. Новое время

Оставшиеся дни отдыха Марина провела в состоянии эйфории. Ей не хотелось: есть, спать, участвовать в разговорах соседок по столу. Как ни была занята бухгалтерша рассказами о своей замечательной поездке к брату-полковнику, но и она заметила перемену в настроении девушки.

– Марина, что с тобой, ты совсем меня не слушаешь, – время от времени останавливала она свой рассказ.

– Ничего, просто болит живот, врач говорит, что началась естественная реакция на воду, а я вас слушаю, Тамара Рамзановна, и даже могу повторить последние слова. Вы сказали, что ваш брат большой человек и его знал сам Брежнев.

Когда царица Тамара, посокрушавшись по поводу того, что у неё нет никакой реакции на минеральную воду, продолжила свой бесконечный рассказ о своём удивительном брате и остальных ставропольских родственниках, Марина опять отключилась и погрузилась в воспоминания. Ей казалось, что она может по минутам, по шагам описать всё, что с нею произошло за эти неполные два выходных дня. Вот она, ковыляя на высоких каблуках, идёт в военный санаторий. Вот к ней, пересекая зал, движется широкоплечий светловолосый парень. Вот он кружит её по залу, вот они садятся в экскурсионный автобус и так далее. Она пересыпала эти воспоминания множеством на первый взгляд пустя-

ковых, но крайне (как ей казалось) важных деталей, и всё это сливалось в единую картину нескольких часов счастья. «Странно, – думала она, – если бы мне кто-нибудь сказал раньше, что можно быть счастливой, просто идя по улице рядом с парнем, я бы подумала, что это бред. Теперь ругаю себя, почему не плюнула на царицу Тамару и не поехала на вокзал провожать Алёшу, выиграв у судьбы ещё целых три тысячи шестьсот счастливых секунд?»

– Да, девка, эк тебя пробрало, – удивлялась подружка-наперсница Валентина. – Витаешь где-то в облаках, спустись на грешную землю. Что он тебе такого наговорил, что ты прямо светишься изнутри?

– Сказал, что приедет за мной, как только решит свои дела, – радостно отвечала Марина.

– Ой, знаем мы эти обещания, все они обещают, а потом забывают, так что не слишком-то надейся. Было хорошо – и ладно, – успокаивала она неискушённую в любовных делах девушку.

Однако та жила на своей волне и советов, не совпадающих с её настроением, не воспринимала. Марина вернулась домой отдохнувшая, похорошевшая и сияющая.

– Странная ты какая-то вернулась, всё время чему-то улыбаешься, – удивлялась тётка. – Что там такого хорошего было?

– Там всё хорошее: и природа, и люди, и лечение, – с готовностью отвечала Марина.

– Природа – понимаю, лечение – может быть, но люди там все русские, что в них хорошего, не понимаю? – ворчала тётка.

– Туда приезжают не только русские, там отдыхает вся страна, – горячо возражала Марина.

Она пыталась рассказать тётке, что по улицам курорта ходят толпы людей разных национальностей: азиаты в национальных нарядах в сопровождении свиты из детей и родственников, плотные украинцы с такими же плотными и нарядными украинками, степенные прибалты и, конечно, кавказцы всех мастей.

– Делать им всем нечего, – продолжала ворчать тётка. – Что, дома работы нет, что они по улицам шляются?

Спорить с нею было бесполезно, тем более что ненароком можно было сболтнуть лишнее. В том, что Алексей приедет, она не сомневалась. Она не задумывалась над тем, чего было больше в этой уверенности: любви, веры в мужское слово или неопытности, – она просто ждала. Первый месяц ожидания Марина ходила в приподнятом настроении и даже съездила в Грозный в салон для новобрачных посмотреть свадебное платье. Одно из них, с атласным корсетом и стоящей колоколом нейлоновой длинной юбкой, ей особенно понравилось. Сомнения были по поводу фаты: какой она должна быть – длинной или короткой? Потом решила, что длинная фата с откидным верхом будет особенно хороша для чеченки, которая должна идти под венец с закрытым покрыва-

лом лицом. Понравились ей и белые туфли на удивительно тонком каблучке. Не понравились цены на весь этот свадебный наряд, но она решила, что для такого случая можно истратить накопленные на забор и ворота деньги. «Я же уеду к нему – зачем мне забор?» – утешала она себя. Мысль о том, что невестин наряд должен купить жених, ей в голову не пришла, настолько Марина была самостоятельным человеком. Во второй месяц ожидания появилось лёгкое беспокойство, которое она отгоняла соображениями о том, что Алёше надо, видимо, решить много дел, а его письма не приходят, так как она не дала ему почтового индекса. Дальше ожидание слилось в одну бесконечную ленту надежды и тоски. Перемена её настроения не осталась незамеченной для окружающих, и точнее всех сформулировала её причину тётка:

– По-моему, тебе, Марина, замуж пора.

– Ничего не пора, – сердито отвечала Марина.

– Пора, да только никто не сватается. Какой мужчина захочет жениться на такой своенравной девушке, как ты, да ещё и из такой семьи?

– Тётя Фатма, сколько раз я просила вас не говорить плохо о моих родителях? – злилась на неё Марина. – Когда придёт время, тогда и посватаются.

– Смотри, как бы к тому времени твоя красота не завяла. Ты крупная девушка, ещё немного – и начнёшь раздаваться, а кому толстуха нужна?

Тётка любила говорить гадости племяннице, теша свою

одинокую долю. Марина это понимала, но ничего поделать не могла. Забирать тётку из их дома дед не собирался.

Вопрос о том, почему такой красавице, как Марина, не находится жениха, занимал многих. В девичестве есть один большой недостаток – всем интересно, когда оно кончится. Марина устала отвечать русским соседкам, бывшим учителям, сотрудникам её сельсовета, где она работала в стройгруппе, на вопрос: «Замуж не собираешься?» Понятно, волновал этот вопрос и её дедушку с бабушкой. Правда, дед вопросов не задавал, а однажды заявил, что родня ищет ей подходящую пару.

– Не надо, дедушка, – отвечала ему Марина, – я сама найду.

– Твоя мать дважды себе сама находила, – ворчал дед, – что из этого вышло?

Вскоре ей представили жениха – вдовца из соседнего села. Он был старше Марины почти на двадцать лет, и на его руках было трое детей-подростков. Мужчина он был видный, представительный и занимал какой-то важный пост в районе. Однако на его предложение и решение семьи принять его Марина ответила резким отказом. Её отказ не столько подействовал на деда, сколько обидел жениха, который решил, что такая строптивая жена ему не нужна.

– Ты что, решила выйти замуж за этого рыжего русского, который у вас под забором отирается? – сердился дед.

Этим рыжим был тот самый надоевший в школе Вовка.

В классе он был переростком и к этому времени уже успел отслужить в армии и явиться в Боевое в полном боевом величии с кучей непонятных значков на гимнастёрке и медалью «За воинскую доблесть». В первый же вечер после возвращения в село Вовка в полной боевой готовности и с заметным запахом спиртного объявился возле ворот Марининого дома и, дождавшись её с работы, с ходу заявил:

– Всё, Мариха, жди сватов, я в армии твёрдо решил: женюсь на тебе. Сколько можно мучиться?

Вовка был так забавно бесхитростен, так смешно торчал его рыжий чуб из-под дембельской фуражки, что Марине не захотелось прикрикнуть на него, как когда-то в школе, и она миролюбиво сказала:

– А ты не боишься, что я тобою командовать буду, как в школе?

– Да командуй себе на здоровье! Мать вон меня всё время женить хочет, чтобы жена за мною присматривала.

– Ты что, плохо себя ведёшь? – засмеявшись от такого простодушия, спросила Марина.

– Ну не то чтобы плохо, но мать говорит, что лучше бы женить.

– Хороший ты парень, Володя, но ты же знаешь, что чеченкам нельзя выходить замуж за русских.

– Да ладно, это в старые времена было.

– У наших мало что меняется, да и к тому же родня уже нашла мне жениха, – соврала Марина, чтобы не обижать пар-

ня, – и перечить я им не могу.

Увидев, как напряглось его конопатое лицо, добавила:

– Не переживай, найдёшь ты себе хорошую девушку и будешь счастлив.

– Нет таких больше девчонок, как ты. Это я точно знаю, – почти крикнул Вовка и пошёл прочь.

Однако сердцу не прикажешь, и ноги его сами приводили к заветному забору. Отстал он только тогда, когда тётка отругала его за то, что он позорит её племянницу. Вовка исчез, а других женихов не было.

– Марина, ну будь ты как-то помягче, не смотри ты на парней так строго, – увещевала подругу уже замужняя Мадина. – Ты, например, очень нравишься моему брату, но он говорит, что женись на тебе – и всю жизнь в дураках проходишь.

– Это ещё почему? – удивилась Марина.

– Больно умная ты и этого не скрываешь.

– Мне всегда казалось, что надо скрывать глупость, – ответила Марина, – а своему брату скажи, что неуверенных в себе мужчин я не люблю.

Однако не только уверенных в себе мужчин, но и холостых парней в Боевом было немного. Молодёжь уезжала в Грозный и другие, не менее интересные уголки необъятной страны. Когда тоска ожидания совсем взяла за горло, Марина решила сама поехать на поиски Алексея, но, к своему ужасу, поняла, что слишком мало знает о нём. Алексей Те-

рёхин, старший лейтенант-вертолётчик, служит в Воронежской области, но где конкретно, в какой части – было неизвестно. Это гражданское лицо можно найти через адресное бюро, а военного так не разыскать. За этими переживаниями пролетел год. Годовщину знакомства с Алексеем Марина решила отметить экскурсионной поездкой в Ессентуки и Кисловодск, взяв путёвку в своём профкоме, но, как нарочно, расхворалась тётка, брат был на сборах, и хозяйство было оставить не на кого. Всё, что смогла сделать, – это зайти к царице Тамаре с тортом, который сама испекла по рецепту, вычитанному в поваренной книге. О её приходе они договорились заранее, но, придя к бухгалтерше, Марина была неприятно удивлена, что, кроме неё и мужа, в доме есть ещё один мужчина.

– Ильяс, племянник моего мужа, – представила его хозяйка, – я тебе, Мариночка, много о нём рассказывала.

Марина действительно вспомнила это имя в числе многочисленных родственников бухгалтерши, но все подробности о нём начисто забыла. Стол был накрыт, и её скромный тортик здесь был ни к чему, так как посредине стола возвышался большой торт, украшенный белыми масляными розочками. Ильяса, худощавого молодого человека лет тридцати, посадили напротив Марины, и Тамара Рамзановна, красноречиво поглядывая на Марину, рассказывала ей, какой это замечательный человек, как хорошо он учился в сельскохозяйственном институте, как ценят его в совхозе, где он ра-

ботает зоотехником. Ильяс никак не комментировал слова тёти, но всем своим видом показывал, что вполне согласен с потоком тёткиных похвал. «Индюк самовлюблённый», – думала Марина, изредка поднимая глаза на сидевшего напротив мужчину. Она так надеялась устроить с бухгалтершей вечер воспоминаний о славном курорте Ессентуки, а тут надо было слушать о редких достоинствах этого совсем чужого и ненужного ей человека. Потом царица Тамара пустилась в воспоминания о детстве своего замечательного племянника, и из этих воспоминаний выходило, что земля ещё не рожала такого умного и замечательного ребёнка, как он. «По-моему, он сразу родился взрослым», – подумала Марина, в очередной раз бросив беглый взгляд на своего строгого и скучного визави. За всё время этой чинной трапезы Ильяс один только раз открыл рот, чтобы спросить у Марины:

– Тётя говорила, что вы строитель, вам нравится ваша работа?

– Да, конечно, иначе бы я там не работала, – буркнула Марина и опять уткнулась в свою тарелку.

Она не могла понять, чем раздражает её этот человек. Он не был ни хорош, ни дурён собой. Его узкое смуглое лицо несколько портил большой, вислый нос, почти касавшийся жёстких чёрных усов, а ровная, как у военного, спина выдавала в нём сухую и чванливую натуру. Поэтому, когда после съеденного торта стало понятно, что вечер закончился, Марина вздохнула с облегчением.

На другой день к ней в контору прибежала бухгалтерша и, вызвав в коридор, радостно зашептала:

– Ты очень понравилась Ильясу. Я ведь нарочно позвала его, чтобы вы друг на друга посмотрели. Я же цивилизованный человек, я знаю, как надо знакомить молодых. Хорошо ведь посидели, правда?

– Да, хорошо, – односложно ответила Марина, начиная догадываться, к чему ведёт царица Тамара.

– Он скоро зашлёт к тебе сватов, ты не возражаешь? – подтвердила та её догадку.

– Не знаю, – вот и всё, что смогла выдавить из себя Марина.

Ей не хотелось огорчать бухгалтершу, которая искренне желала ей добра, к тому же понимала, что, приди этот молодой человек сватать её к деду, отказаться, как от прошлого жениха, будет сложно.

– Чего ты загрустила? – стала тормошить её бухгалтерша. – С девичеством жалко расставаться или жених не подходит?

– Нормальный мужчина, только строгий очень, – ответила Марина, чтобы хоть что-то сказать.

– Да, это у него есть, но кто из наших мужчин не строгий? Зато он, поверь мне, не злой, я-то его всю жизнь знаю. Когда мы с мужем поженились, Ильясику всего восемь было. Они только что из Казахстана вернулись. Он там и родился.

– Давайте, Тамара Рамзановна, я вам дам знать, когда при-

ходить свататься, – предложила Марина компромиссное решение.

– Хорошо, только долго не думай, таких женихов, как Ильяс, мало.

Всю неделю после этого разговора Марина ходила в раздумьях. Замуж действительно надо было выходить, ей уже пошёл двадцать первый год, то есть по местным понятиям она уже была практически старой девой, но надежда на то, что Алёша всё же приедет, ещё жила в ней. Всё рухнуло в одно мгновение, когда в одно из воскресений, включив утром телевизор, который она смотрела крайне редко, Марина наткнулась на передачу о воинах-интернационалистах, сражавшихся в Афганистане. Там на фоне вертолёта раненный в бою солдат передавал привет маме и своей девушке. После этих слов Марину как током ударило: «Алёша погиб, конечно, погиб, иначе он обязательно нашёл бы меня. Он ведь говорил мне, что ему необходимо выполнить одно важное дело, а сам, видно, вылетел в Афганистан». Слухи о том, что в Афганистане гибнут советские военные, доходили до их села. Как-то, ещё до встречи с Алексеем, ей приходилось слышать разговоры о том, что кому-то из знакомых в другом селе или городе прислали в цинковом гробу тело сына, служившего в Афганистане. Эти разговоры казались провокационными и совершенно неправдоподобными. Война у советских людей была одна, та, которая осталась в далёких сороковых. Марине, как и большинству советских лю-

дей, никогда не приходило в голову, что, выполняя интернациональный долг, советские солдаты гибнут в Афганистане тысячами. Сейчас, когда пришло это страшное прозрение, стали всплывать все разговоры на Афганскую тему, и сомнений в том, что её любимый жив, оставалось всё меньше и меньше. «Если бы был жив, то приехал бы», – похоронила Марина Алексея, а ещё через три печальных месяца, устав от непрерывных атак бухгалтерши по поводу сватовства, Марина сказала:

– Пусть приходит.

Свадьбу по местным меркам справляли скромно, пригласив только ближайших родственников, но и их набралось около ста человек. Гостей разместили за длинными столами во дворе их дома, так как ещё во время сватовства выяснилось, что жить молодым, кроме как в доме матери Марины, негде. Семья Ильяса из-за большого числа его сестёр и братьев жила тесно. Главным гостем на свадьбе был Маринин отец, который подарил ей самый желанный подарок: зелёный забор с красивыми железными воротами. Он сделал ей такие ворота, о которых она мечтала давно. Два голубка, целующиеся на их створках, так обрадовали её, что свадьба ей показалась праздником, несмотря на то что одета она была не в то роскошное платье, которое присмотрела когда-то в Грозном. Жених подарил ей на свадьбу скромное белое платье с длинным рукавом и белый прозрачный шарф вместо фаты. Накинув платок на голову, Марина прошлась в лезгинке лебедем

вокруг мужа, сказав себе: «Замуж надо, дети будут, дом…»

Когда подошло мгновение отправляться в спальню, Марина на минуту замерла, а потом смело шагнула в неизвестность, памятуя слова тётки и бабушки о том, что надо не противиться тому, что будет делать муж. Когда Ильяс, с таким же строгим выражением лица, с которым сидел за столом, снял с неё платье и прикоснулся к обнажённой груди, она не почувствовала ни волнения, ни испуга. Она просто не противилась. Не противилась и тогда, когда он вошёл в неё грубо и болезненно. «Терпеть можно, – подумала она, – но вот почему, когда меня только поцеловал Алёша, я просто чуть не умерла от счастья, а теперь нет никаких ощущений, кроме боли и неудобства». К счастью, всё очень быстро закончилось, и она услыхала повелительный голос мужа: «Иди помойся». Утром опять всё повторилось – с той только разницей, что в этот раз муж с самодовольной миной на лице предложил Марине убрать запачканную простынь. Дальше покатились дни, наполненные работой, а также заботой о доме и муже. Скоро к этим хлопотам прибавились хлопоты по поводу беременности и, наконец, заботы об их первенце – крохотной, смуглой, как отец, девочке. Дочка появлялась на свет мучительно, без потуг, но с бесконечно болезненными схватками.

– Ты, мамочка, может быть, работала перед родами много, – поинтересовалась акушерка, – что так тяжело рожаешь при таком-то широком тазе?

Марина промолчала. Работала она перед родами много: на стройке до самого декрета и дома, занимаясь внутренним ремонтом дома, чтобы принести ребёнка в чистое помещение. Муж не мешал ей, но и не помогал.

– Это женская работа – приводить дом в порядок, – ответил, когда Марина, замучившись с большим животом и ремонтом, попросила мужа о помощи.

Ильяс после свадьбы сменил работу и устроился в их совхозе помощником главного зоотехника. Ходил он на работу без всяких эмоций, как, впрочем, без эмоций и жил. Все его эмоции заключались в непрерывных нудных выговорах по поводу ведения домашнего хозяйства. С его точки зрения, жена не умела делать ничего, и всему ей надо было учиться. Все свои выговоры он делал бесцветным и скучным голосом, строго глядя жене в глаза. От этого взгляда абсолютно чёрных глаз мужа на душе становилось тошно, и мысль – зачем она пошла замуж за нелюбимого человека? – грызла душу. Похвал работящей и ловкой жене Ильяс не расточал. Он даже никак не прокомментировал появление на свет дочери, сказав только:

– Наша кровь.

Девочка действительно была очень похожа на отца, с такой же смуглой кожей на узком личике. Марина с тревогой всматривалась в носик ребёнка, практически в первый же день обнаружив сходство с отцовским крючковатым носом. У матери сердце кровью обливалось, когда, увидев её дочку,

неделикатные люди говорили: «Ну вылитый отец!» – и многозначительно смотрели при этом на красивую мать.

Марина как могла украшала дочку красивыми платьями с рюшками, большими капроновыми бантами, но из-под них на мир смотрело угрюмое, как у отца, лицо дочери.

Марина редко доставала из тайников своей души пережитое и похороненное чувство, понимая, что ничего не вернёшь, к тому же теперь она жена и мать. Кроме этого понимания, вскоре пришло и осознание того, что она является ещё и главным кормильцем в семье. Годы шли, а муж не прибавил в карьере ни одной ступеньки, а соответственно, и ни одного рубля к зарплате. Он точно по часам отправлялся на работу и точно в срок возвращался домой, оставив за порогом дома свою работу. Его никогда не вызывали в совхоз в неурочное время и очень редко давали премию. Однако это совсем его не смущало, и он всё так же ходил с прямой по-военному спиной и носил зимой и летом шляпу с высокой тульей. Шляпа была очень похожа на котелок товарища Саахова из фильма «Кавказская пленница», и Ильяс, надутый и важный, напоминал этот знаменитый персонаж.

В первое время она боялась своего сурового мужа, но, вскоре поняв, что за его строгостью ничего не стоит, кроме скучного характера, осмелела, а потом и вообще стала полноправной хозяйкой в доме. Такую силу ей давали деньги, которые она зарабатывала, где только могла. Через два года после женитьбы ее назначили прорабом в стройгруппе сель-

совета, а по выходным она подрабатывала на стороне – штукатуркой и окраской стен частных домов. Жизнь в восьмидесятые годы явно шла на подъём, и вся страна начала судорожно строиться. Так что работы Марине хватало. Не хватало только свободного времени. Придя домой после смены и непрерывных шабашек, она заставала мужа на диване перед телевизором, покачивающего ногой, перекинутой на другую ногу. Почему-то именно это покачивание приводило её в ярость. Радовало только то, что от чеченского обычая мыть ноги мужу она смогла отказаться жёстко и решительно. Муж подулся, подулся, но её протест принял. Ему и так жилось неплохо. Жена успевала всё: и деньги зарабатывать, и за ним ухаживать. Вечером, придя после тяжёлой работы домой, она шла на кухню и подавала на стол уставшими от непрерывной работы руками. Потом, быстро убрав со стола, шла ухаживать за скотиной, а муж всё сидел и сидел, покачивая ногой. Из-за постоянной занятости мамы Замира большую часть времени проводила с тёткой. Папа, следуя кавказским обычаям, дочкой не занимался.

– Ты же видишь, я занята, хоть бы дочке книжку почитал, – выговаривала Марина.

На что муж отвечал всегда одно:

– Это женское дело детьми заниматься.

– А мужское что, сидеть у телевизора и качать ногой? – взвивалась Марина.

На что у мужа всегда был готов ответ:

– Я на работе работаю, а дома отдыхаю. Ты не умеешь свой рабочий день организовывать, вот и работаешь сверхурочно.

Мужу бесполезно было говорить, что он за свою хорошо организованную работу получает всего сто двадцать рублей, на которые сложно было не только обеспечить семье безбедное существование, но и просто прожить. Так что её деньги были в семье совсем не лишними, тем более деятельная Маринина натура не могла топтаться на месте. Теперь, когда подаренные отцом ворота украшали не только их двор, но и всю улицу, Марине страстно захотелось реализовать свою давнюю мечту – перебраться в Грозный и иметь квартиру ничуть не хуже, чем у её отца. Ради этой мечты она готова была работать и днём и ночью. Однако время шло, а денег на первый взнос на новую кооперативную квартиру всё ещё не хватало. Поэтому, когда приехал в Боевое её дядя – старший сын деда Аслана, о котором дед всегда говорил с особым уважением: «Он у нас начальник!» – и предложил поехать поработать в Сибирь в их строящийся город нефтяников, где можно хорошо заработать, Марина загорелась:

– Поехали, поработаем. С деньгами приедем, купим кооператив и заживём в городе как люди. Замира в музыкальную школу будет ходить.

– Что я там буду делать, ты подумала? Это ты строитель, а я зоотехник.

Когда оказалось, что и эта проблема решаема и Ильяса могут взять на стройку учётчиком, семья тронулась в путь.

В Тюмени им дали комнату в общежитии семейного типа, с туалетом и маленькой ванной. Кухня была общая на живущие в одном блоке четыре семьи. Не привыкшая к комфорту Марина была в восторге и от возможности в любое время помыться горячей водой, и от возможности не бегать на улицу по нужде.

– Видишь, как здорово жить с удобствами, – говорила она мужу. – Купим в Грозном квартиру, сама всё отремонтирую и польскую сантехнику куплю.

– Где ты её возьмёшь? – удивлялся муж.

– Отца порошу. У него, наверное, связи ещё остались. Он когда-то нас дефицитными товарами заваливал.

По мере того как прибывали деньги, мечты о своей квартире с польской сантехникой, югославской стенкой и мягкой мебелью становились всё реальнее. Почувствовав вкус больших заработков, Марина работала как одержимая и уже всерьёз подумывала, что не плохо было бы заработать ещё и на машину, пусть подержанную, но свою, чтобы из города ездить в Боевое, как на дачу. Её на работе ценили, и не прошло и полугода с момента их приезда, как предложили из маляров-штукатуров перейти в прорабы.

– Ну что вы, Геннадий Александрович, зачем мне в прорабы? – ответила Марина на предложение начальнику строительного управления. – Вы лучше мужа моего возьмите на эту должность, я же женщина.

– Ну и что, что женщина. Да я такую женщину, как ты,

и на трёх таких мужиков, как твой муж (уж прости меня), не поменяю. Умница, работящая, руководить людьми умеешь и красавица редкая. Муж твой, конечно, человек положительный, непьющий, но не джигит. В учётчиках ему самое место.

О том, что муж не подходит ей, Марине говорили многие. Это у кавказцев не принято обсуждать чужих родственников, а неделикатная Россия таких запретов не признаёт. То соседки её подденут, чем, мол, это взял её этот сундук Илюха? То женщины-малярши, работу которых принимал её муж, удивятся, как она могла за такого зануду выйти? То их весёлые мужья за спинами жён пытались приласкать её со словами: «Твой-то сухарь наверняка вниманием тебя не балует». Марина в объяснения не пускалась и твёрдо давала понять, что обсуждать мужа ни с кем не собирается, тем более принимать ухаживания чужих мужей. Однако она не могла понять, как догадывались люди, что любви от мужа ей действительно достаётся мало? Он не то чтобы был груб с нею, нет, он просто вёл себя как её хозяин: властно и безоговорочно. Даже наедине, даже в постели он был повелителем, уверенным в том, что только так и должен вести себя муж, так как женщина не только согласно мусульманской религии, но и по горским законам является безраздельной собственностью мужа.

– Что ты бежишь как сумасшедшая, стоит ему позвать тебя? – спрашивали её соседки на кухне.

– Да не хочу слушать его выговоры, – оправдывалась Марина.

Непрерывные выговоры мужа по любому поводу и без повода отравляли ей жизнь. Поднимаясь утром с постели, он выговаривал за сбитые простыни, за обедом – за отсутствие вовремя поданной ложки или вилки, вечером – за лишнюю включённую лампочку, но больше всего за задержку на кухне, где, по его мнению, она пряталась от общения с ним.

– А что, он ещё и выговаривает? Живёт на всём готовом, жена и деньги зарабатывает, и на стол накрывает, а он бухтит? – удивлялись соседки. – Как ты терпишь? Может, он в постели гигант?

Разговоры о постели на кухне не переводились. Марина удивлялась, как женщины могут так открыто говорить на эти запретные у горянок темы. Сама она в этих разговорах не участвовала, чем ещё больше подогревала интерес своих соседок.

– Маринка, а Маринка, а что, правду говорят, что джигиты могут всю ночь на бабе гарцевать и не устают?

– Может быть, откуда я знаю?

– Ну а твой – как? Вид у него суровый, ну может, ночью его разбирает?

– Он нормальный, тем более мне не с чем сравнивать, я первый раз замужем, – отвечала Марина.

– А ты попробуй, тогда и поймёшь, – не унималась одна из самых больших болтушек, муж которой не пропускал ни

одной юбки.

– Может, с твоего начать? – глядя нахальной соседке в глаза, сердито спросила Марина.

Степан, муж этой соседки, работавший на её участке, не раз приставал к ней. Получив отпор, он каждый раз тяжело вздыхал и говорил:

– Эх ты, Мариха, цены ты себе не знаешь, королева, а замужем за жлобом. Будь ты моя, я бы тебя на руках носил.

– Ты свою Анну и носи на руках, зачем тебе чужая жена?

– Да просто душа горит, когда видишь, как ты со своим чурбаном маешься, – сокрушался не самый лучший муж Степан.

О том, что в её семейной жизни что-то не так, Марина и сама догадывалась. Хоть и выросла она в строгих кавказских обычаях, где не принято было демонстрировать своих чувств на людях, но всё же непрерывные рассказы бабушки о её любви к деду, болезненная любовь матери к отцу и её неистовые отношения с Толиком наталкивали на мысль о том, что супружеская жизнь – это не только служение мужу, но и ещё что-то, ею так и не понятое. «Неужели есть на свете женщины, которые получают удовольствие от этой скрытой от посторонних глаз супружеской жизни, которую я с трудом терплю?» – недоумевала Марина. В Советской стране почитать о главной тайне брака было совершенно невозможно, а спросить было стыдно. Поэтому болтовня соседок по кухне волновала её, но ответа на вопрос не давала. «Мо-

жет быть, всё это оттого, что я не люблю своего мужа, а с Алёшей всё было бы по-другому?» – спрашивала она себя. Однако, невзирая на сложности в семейной жизни, Марина двигалась вперёд к своей цели, которая умещалась в четырёх словах: деньги – Грозный – квартира – Замира. Дочка осталась в Боевом на попечение дедушки с бабушкой. Суровый сибирский климат был вреден болезненной Замире. В первый год работы в Сибири они с мужем часто проведывали дочку, пользуясь вахтовыми самолётами, летавшими прямо в Грозный. Со временем это делать было всё сложнее и сложнее, а к концу восьмидесятых годов чартерные полёты вообще прекратились, и они встречались с дочерью только во время коротких отпусков. Отсутствие дочери было главной темой ссор с мужем, который упрекал её в том, что ради денег она бросила своего ребёнка. Второй любимой темой попрёков было отсутствие других детей. Марина действительно больше не беременела. Врачи всё списывали это на первые, тяжёлые роды, которые сдвинули что-то в её организме. Поразившее её бесплодие развило у Марины чувство вины перед мужем, и она молча сносила его попрёки. Неизвестно, сколько бы лет они ещё работали в Сибири, стараясь как можно больше заработать, но заявленная в стране перестройка от пышных фраз перешла к делу, в результате чего начался так называемый парад кооперативов и суверенитетов. Первый парад принёс Марине явную выгоду, так как её непосредственный начальник Геннадий Алексеевич Во-

лын организовал при руководимом им строительном управлении самостоятельный строительный кооператив и перетащил туда из управления всех хороших работников, в том числе и Марину. Жена Волын стала директором кооператива, а муж стал отдавать кооперативу самые выгодные заказы на строительство и брать его в подрядчики на выполнение работ, производимых управлением. Неудивительно, что в этой самостоятельной кооперативной единице заработки выросли почти в четыре раза, и Марину, как лучшего работника кооператива, деньги тоже не обходили стороной. Ильяса в кооператив не взяли, и его и без того малые заработки на фоне Марининых стали совсем ничтожны. Понятно, что этот факт согласия в их семейную жизнь не прибавил. Парад суверенитетов, в который включилась и Чечня, ещё больше накалил отношения в их семье.

Избрание Дудаева на пост президента Чеченской Республики и провозглашение им суверенитета республики от России стало большим праздником для мужа. Он, родившийся в казахстанской ссылке, вырос в атмосфере ненависти к России, что не помешало ему после возвращения семьи в Чечню окончить вначале школу, а потом сельскохозяйственный институт и, что особенно удивительно, вступить в Коммунистическую партию. Членством в партии он очень кичился не только перед беспартийными сослуживцами, но и перед женой. Особенной важностью он переполнялся после закрытых партийных собраний, где членам партии зачитыва-

лись секретные партийные и правительственные постановления или новости. Марине казалось, что в такие дни даже усы у мужа стояли торчком от переполнявшей его душу гордости за причастность к важным государственным делам. В то же время тем, что муж партийный, она тоже немного гордилась, полагая, что это хоть как-то поднимает в глазах людей её бесталанного мужа. Её приглашали вступить в партию, и когда она работала в строительном отделе сельсовета, и в Сибири. От этих предложений она отшучивалась:

– Нет, не пойду. Нам в семье одного партийного хватит. Когда мне на партсобраниях сидеть?

Не было в её отказе никаких других мотивов, кроме нежелания тратить время на пустое сидение на собраниях, которые она терпеть не могла. Не любила она и газет, да и телевизор смотрела только в редкие свободные минуты, когда показывали какой-нибудь фильм про любовь. Особенно задел её бразильский телесериал «Рабыня Изаура», который смотрели все женщины страны Советов, забыв о свалившихся на них перестроечных бедах. Муж принципиально не смотрел таких фильмов, называя их женскими глупостями. Как и большинство мужчин в то время, он смотрел новости и читал газеты. Глядя на мужа, чинно сидевшего, покачивая ногой, с газетой в руках или у телевизора, Марина иногда ловила себя на мысли, что муж мало чего понимает в этих новостях, но читает и смотрит их потому, что искренне считает это занятие настоящим мужским делом. Комментариев про-

читанному или увиденному он не давал.

В конце ноября девяностого года Ильяс пришёл домой с партсобрания откровенно возбуждённым. Ему явно хотелось поговорить с женой о том, что говорили на собрании, но снизойти до этого он никак не решался. Он бы и дальше терпел, и мучился, но то, что терзало его душу, полилось с экрана телевизора. Вечером следующего дня дикторша, красивая молодая женщина, чем-то смахивающая на Марину, бесстрастно сообщила, что 23—25 ноября в Грозном состоялся Первый чеченский национальный съезд, который провозгласил суверенитет республики и избрал Исполком ОКЧН, который должен реализовать это решение.

– Ну вот и сбылась вековая мечта нашего народа: Чечня будет независимой, – промолвил Ильяс, обращаясь к гладившей бельё Марине. – И на партсобрании об этом говорили.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.